

- • - ПРИХОД - • -

Преображение

НАВИГАТОР

В номере на Преображение столько текстов, которые поднимают нас на новую высоту. Очень важный человек в современном богословии митрополит Каллист Уэр читает лекцию о том, какой диалог возможен между православными и евангеликами, то есть протестантами, к взаимному просвещению. В «Личном опыте» трогательный и полный искренности рассказ о значимости псалмов в жизни и даже смерти человека. Отправившись за тридевять земель, мы окажемся на простой ферме в глуши Уэльса, где можем провести целый день в обществе сильной духом женщины, которая также служит англиканском священником.

В «Новом Завете» мудрый поводырь архимандрит Ианнуарий Ивлиев, во-первых, изучает с нами сложные места из Евангелия на примере притчи о неверном управителе. Хочется уже разобраться, кто там где словчил в подсчете долгов, и почему за это можно получить похвалу от Самого Господа. А во-вторых, отец Ианнуарий разбирает чтение из послания апостола Петра.

В «Полемике» сложная тема. Можно ли простить убийцу близкого человека? Да и вообще что такое прощение, когда оно стучится в твою дверь? Попробуем услышать самые разные мнения на этот счет.

В «Мнениях» несколько полемических колонок, например, о том, что вообще считать нововведением, а что традицией в Церкви. Какого обычая лучше придерживаться, старого или нового?

Завершают газету фрагмент книги священника Георгия Митрофанова о том, с какими испытаниями столкнулись святые XX века в России, а также душевный рассказ нашего земляка из Электроуглей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Календарь</i>	8
<i>Евангелики</i>	16
<i>Вопросы и ответы</i>	37
<i>Личный опыт</i>	42
<i>За бугром</i>	49
<i>Евангелие</i>	59
<i>Апостол</i>	66
<i>Прощение</i>	73
<i>Не 80 процентов</i>	86
<i>Новое и старое</i>	90
<i>История</i>	95
<i>Электроугли</i>	109
<i>Послесловие</i>	116

МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА

КАЛЕНДАРЬ

Преображение Господне (Второй Спас, 6/19 августа)

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

Среди августовских праздников «Второй — или Яблочный — Спас», как его называют в народе, занимает особое место. Он давно приобрел общекультурный характер и знаком всем, даже не слишком церковным людям. Правда, для многих он ассоциируется лишь с душистыми яблоками и иными фруктами, аппетитно громоздящимися на длинном столе в храме. Без сомнения, нашим читателям приходилось наблюдать, как во время праздничной Литургии некоторые господа в аккуратных костюмах клерков переминаются с ноги на ногу и явно думают: «Скорее бы закончилась эта длинная служба с непонятными песнопениями («Показавый ... славу Свою якоже можаху...» и прочее) и батюшка побрызгал наши фрукты святой водой! Ну, наконец-то покропил!» Теперь их можно везти в офисы («православным» ныне быть модно) и с чувством хорошо выполненного долга угощать длинноногих

секретарш и сотрудников.

Христос и апостолы были бы этому весьма удивлены, потому что отнюдь не фрукты занимали их ум на горе Фавор, и не ради освящения «плодов земных» Церковь установила праздник Преображения Господня! О подлинном смысле одного из важнейших в богословском аспекте христианских торжеств читатель узнает из статьи нашего постоянного автора, специалиста в области христианской эротиологии.

Тропарь:

О Христос Бог наш! Ты преобразился на горе, показав Свою славу ученикам насколько, насколько они могли ее видеть. Да воссияет по молитвам Богородицы и нам, грешным, Твой вечный свет. Податель света, слава Тебе!

Кондак:

О Христос Бог наш! Ты преобразился на горе, и Твои ученики увидели Твою славу настолько, насколько они могли ее воспринять, — чтобы, увидев Тебя распинаемого, поняли: страдание Твое — добровольно, и проповедали миру, что Ты — воистину Сияние Отца.

«Свет без пламени»

В православном календаре наш праздник называется «Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Для любителей русской литературы «серебряного века» он, несомненно, ассоциируется с замечательными стихами Бориса Пастернака («Август»).

«Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня

Шестое августа по старому,
 Преображение Господне.
 Обыкновенно свет без пламени
 Исходит в этот день с Фавора,
 И осень, ясная, как знаменье,
 К себе приковывает взоры!»

Эти строки хорошо выражают настроение праздника — такого аристократически изысканного, блистательного. В народном же календаре, явно озабоченном кулинарными проблемами, он именуется «Яблочным Спасом».

Начнем с первого уровня изучения этого календарного феномена — с выяснения смысла самого евангельского события «преображения». Что означает сам этот термин? Какое событие Священной истории и почему получило такое название?

Преображение: событие и смысл

Преображение (греч. метаморфосис, лат. transfiguratio) — значит «превращение в другой вид», «изменение формы» (отсюда всем знакомое слово «метаморфозы»). Так называется одно из важнейших событий евангельской истории, происшедшее незадолго до последней Пасхи Иисуса Христа. О нем рассказывают три евангелиста: Матфей (17:1—13), Марк (9:2—13) и Лука (9:28—36).

Через восемь дней после торжественного исповедания апостолом Петром своего Учителя Мессией (Христом), — пишет евангелист Лука, — Иисус, «взяв с Собою Петра, Иоанна и Иакова, взошел на гору помолиться. И во время молитвы лицо Его вдруг изменилось, а одежда стала белой до блистания. И беседовали с Ним два мужа; это были Моисей и Илия. Явившись в сиянии небесной славы, они говорили об

исходе, который предстояло Ему совершить в Иерусалиме.

А Петр и его спутники забылись дремой; когда же очнулись, то увидели Его славу и двух мужей, стоящих с Ним. И когда те собирались покинуть Его, Петр сказал Иисусу: «Наставник, как хорошо нам здесь быть! Устроим здесь три шатра: один для Тебя, один для Моисея и один для Илии!» — Он и сам не знал, что говорил, — замечает Лука и продолжает. — И еще он не договорил, как появилось облако и осенило их; и они устремились, когда вошли в то облако. И из облака раздался Голос: «Это — Сын Мой Избранный, Его слушайте!» И когда голос умолк, оказалось, что Иисус один. Ученики сохранили это в тайне и никому в то время не рассказали о том, что видели» (Лк. 9:28—36).

А евангелист Марк уточняет: «И когда они спускались с горы, Иисус велел им никому не рассказывать о том, что они видели, пока Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. Они это исполнили, но в беседе между собой допытывались: что это значит — воскреснуть из мертвых?» (9:9—10).

Историко-богословский смысл этого предельно важного эпизода Священной истории ясен. Вспомним о том, что Иисуса Христа не только простой народ, но даже ближайшие ученики считали прежде всего земным царем-воителем. Эти лжемессиянские иллюзии сохранялись у апостолов даже после Его Вознесения, вплоть до Пятидесятницы! Поэтому Господь приоткрывает им завесу будущего и являет Себя Сыном Божиим, Владыкой жизни и смерти. Он заранее уверяет учеников в том, что близкие страдания — не поражение и позор, но победа и слава, увенчанная Воскресением.

При этом Христос прибегает к судебному правилу, сформулированному в Законе Моисея: «При словах двух свидетелей <...> состоится всякое дело» (Второзаконие 19:15). Этим Он юридически опровергает

нелепые обвинения со стороны книжников и фарисеев в нарушении («разрушении») им священного еврейского законодательства. Призывая Себе в «свидетели» самого Законодателя (!) и грозного пророка Илию, — которые говорят с Ним о Его «исходе» к смерти и Воскресению, — Христос удостоверяет апостолов в полном согласии Своего дела с Законом Моисея, смысл которого состоял лишь в подготовке людей к окончательному Откровению Спасения. Он надеется, что хотя бы ближайшие ученики не поддадутся отчаянию, но сами станут опорой сомневающимся. Таков смысл празднуемого события.

На иконах праздника Иисус обычно предстает в ореоле «фаворского света» — сияния, явившегося апостолам. Слева и справа от Него — Илия и Моисей, который держит в руках «Скрижали завета» — каменные доски с десятью важнейшими религиозно-нравственными законами. У их ног — апостолы, павшие на свои лица и прикрывающие их руками от нестерпимого света, устремляющегося к ним в виде изломанных лучей.

Преображение: единичное событие и ежегодный праздник

Но когда же произошло само событие преображения — неужели в конце лета, а не перед крестными страданиями Спасителя, как явствует из логики евангельского повествования?

Выдающийся отечественный историк проф. С.-Петербургской Духовной академии Василий Васильевич Болотов (†1900) убедительно доказал, что Христос преобразился перед учениками незадолго до Своей последней Пасхи, в феврале или марте по нашему календарю. При этом, анализируя историю ряда других праздников, он выяснил логику праздничных датировок.

Оказывается, в установлении календарных дат своих торжеств Христианская Церковь часто руководствовалась не научными, а «педагогическими» (миссионерскими) соображениями. Нарочито совмещая свои праздники с днями популярных языческих торжеств, Церковь хотела постепенно вытеснить их из народного обихода или, по крайней мере, «христианизировать», наполнив другим содержанием. (Так, дата популярного в Римской империи Дня Рождения Непобедимого Солнца — персидского бога Митры, 25 декабря, день зимнего солнцеворота — стала датой Дня Рождения Господа.) Этим объясняются расхождения между историческими (в том случае, если их вообще можно установить) и календарными богослужебными датировками.

Так произошло и с праздником Преображения Господня. Ранее всего (в V—VI вв.), по мнению Василия Болотова, он был учрежден в Армении и Каппадокии (Малая Азия) взамен местного почитания языческой богини Астхик (аналог греческой Афродиты) и приходился на шестую неделю после Пасхи. (Тем не менее, этот языческий в основе праздник — Вардавар — сохранился у армян до сего дня.)

Аналогичная «миссионерская» логика (но с иными акцентами) была актуальна и в других регионах Средиземноморья. Здесь окончание сбора винограда даже среди формально христианского населения еще долго отмечалось языческими «вакханалиями» — веселыми празднествами в честь хмельного бога Вакха, «патрона» виноделия. Их сопровождали ночные радения и безудержные сексуальные игрища. Чтобы христианизировать этот традиционный праздник урожая, было решено торжественно праздновать в это время «Преображение Господне», абсолютно искусственно совместив с ним благодарственный молебен Истинному Богу за дарование винограда и прочих «плодов земных». Это понятно: собирать в храмах максимальное количество се-

лян, особенно живущих в дальних горных районах, можно было только по большим праздникам, имеющим зрелищный и продолжительный по времени богослужебный ритуал. При этом люди поучались от чтения Священного Писания, проповеди и — что было особенно важно жившим в труднодоступных местах — имели возможность причаститься Святых Тайн. Само же освящение фруктов, относящееся к разряду «треб», продолжается около десяти минут.

Таким образом, дата преображения как события евангельской истории и дата праздника «Преображения Господня» не совпадают.

В Константинополе праздник утвердился лишь при императоре Льве Философе (886—912 гг.) (или немного ранее), но здесь его зафиксировали по неподвижному (минейному) календарю. (Причина происхождения даты именно 6 августа — по юлианскому календарю — остается под вопросом.) А от византийцев праздник перешел к славянам.

Интересно, что этот восточный по происхождению праздник появился на христианском Западе достаточно поздно. Здесь *Festum Transfigurationis Christi*, как он называется в католическом календаре, долго не был всеобщим. Только в 1457 году папа Калликст III сделал его повсеместным и установил для него чин богослужения. Причем, это было сделано в память важной победы христианского войска, собранного св. Иоанном Капистраном, над турками 6 августа 1456 года. В результате была снята осада Белграда и остановлена турецкая экспансия в Западную Европу.

В Православной Церкви Преображение Господне имеет статус двенадцатого праздника. В Католической Церкви его литургический ранг ниже и соответствует праздникам в честь апостолов и евангелистов. Литовский философ и богослов Антанас Мацейна в связи с этим писал:

«Основа возникновения праздника на Востоке — богословская: это размышления писателей и отцов Греческой Церкви о Боге как о Свете, Который сияет в глубинах бытия, и поэтому человек может не только Его ощущать, но иногда даже ясно видеть. На Западе же стимул к его празднованию носил общественный характер».

Хорошо! — воскликнет нетерпеливый читатель. — Все это — богословские тонкости, в которые вряд ли кто-то из рядовых прихожан будет вникать! Их интересует главное — при чем же здесь русские яблоки?! Все очень просто.

При чем здесь яблоки?

Действительно, предписанная греческим Церковным уставом «Молитва в причащении гроздия в 6-й день августа» говорит только о благословении «плода лозного нового» (винограда). Но, механически заимствовав от греков календарь праздников и сопровождающих их обрядов, сформировавшихся в регионе Средиземноморья, россияне поневоле должны были «нарушить» устав и заменить виноград яблоками — основными плодами Севера (хотя сбор яблок и не сопровождался у нас «вакханалиями»).

Отсюда странное, но такое «милое и домашнее» название праздника — «Яблочный Спас», не имеющее никакого отношения к его богословской и исторической основе. С другой стороны, если учитывать климатические реалии наших северных регионов, то благодарить Бога за дарование яблок следует все-таки в сентябре, когда созревают основные сорта.

ЕВАНГЕЛИКИ

Диалог православных и евангельских христиан (протестантов)

Митрополит Каллист Уэр

Позвольте начать со слов не православного христианина и не евангельского христианина, а римокатолика кардинала Суненса: «Чтобы объединиться, мы сначала должны любить друг друга. Чтобы любить друг друга, мы должны сначала узнать друг друга». Это точно передает смысл диалога православных и евангеликов. Как с любым межхристианским и даже межрелигиозным диалогом, мы стараемся лучше узнать друг друга, чтобы мы смогли полнее любить друг друга, и чтобы Божьей милостью исполнялась молитва Господа Иисуса Христа, обращенная к Своим ученикам, «да будут все едино» (Ин 17:21).

Сегодня мы часто слышим слово «диалог», которое присутствует в названии моей лекции. Некоторые люди выступают за диалог, другие — против. Я сам, конечно же, за. За диалог, который является честным, за диалог любви — да, но также за диалог правды, без исключений и без компромисса. Позвольте сказать вам, почему я выступаю за диалог.

Полвека назад была написана очень полезная книга относительно христианского понимания человеческой личности, книга, которую все же стоит прочесть и которой сильно пренебрегают. Ее написал шотландский философ Джон Макмюррей, а называется она «Люди во взаимосвязи». Его темой стала «личность — в отношении». Как личности мы являемся тем, кем являемся, только по отношению к другим личностям. Никто — в отделении, отрыве от других, обращенный к самому себе — не может быть поистине личностью по образу и подобию Божью, Святой Троицы. Конечно, Джон Макмюррей не говорил о Троице, а ведь это бы так сильно укрепило его аргументацию!

Ранние христиане говорили так: *unus christianus, nolos christianus* — один христианин, отделенный и отрезанный от остальных, не является христианином. Мы можем даже продолжить эту мысль: *una persona, nula persona* — одна личность, в отрыве, в изоляции от других не является на самом деле личностью. Как говорит Макмюррей, «самость существует только в динамическом отношении с другими. Самость определяется своим отношением с другими. Само существование ее находится в отношении. Нет поистине личности, пока нет двух личностей, общающихся между собой. Быть человеком значит пребывать в диалоге, быть вовлеченным в диалог». И после Макмюррей заключает: «Мне нужен ты, чтобы быть собой». Все это было развито в православном учении греческим богословом Иоанном Зизиуласом, митрополитом Пергамским. Эта идея, что человеческая личностность относительна, очевидно следует из самого слова «личность» в греческом языке. Слово «личность» по-гречески *prosopon*, означает лицо или выражение лица. Я не являюсь личностью, если я не обращен к другим личностям, если я не смотрю в их глаза и не даю посмотреть в мои.

В общем-то, нам следует применять этот принцип не только к от-

дельным людям, но и к церковным сообществам, которые могут быть изолированы и отделены от других христианских общин. Никакая церковная группа в отдельности не выполняет истинное призвание во Христе. Каждое христианское сообщество должно быть готово сказать другим: «Нам нужны вы, чтобы быть самими собой». Конечно же, этот принцип можно применить к диалогу православных и евангельских христиан.

На первый взгляд православные и евангелики кажутся совсем разными, даже полностью противоположными. Но на самом деле у нас больше общего, чем может показаться. У нас общая вера в Бога, Святую Троицу, общая вера в Иисуса Христа, полностью и воистину Бога и человека одновременно. Мы разделяем общую веру в его непорочное рождение, его чудеса, жертвенную смерть на кресте для нашего спасения, его телесное воскресение, второе пришествие. Мы разделяем общую веру в Святое Писание, которое боговдохновенно и является абсолютной истиной. Из-за этого, впрочем, мы не склонны к фундаментализму. Мы разделяем общую веру в божественный порядок в отношении брака и семьи, общее убеждение, что сексуальное поведение является на самом деле даром от Бога, но таким даром, который следует использовать в рамках отношений в браке на протяжении всей жизни. Мы разделяем общий подход к проблемам гомосексуальности, биоэтики и эвтаназии. Да, есть значительные разделения между нами. Но они не столь велики, как можно подумать.

Епископ англиканской Церкви Лондона Ричард Чартрс сказал: «Есть два вида христиан. С одной стороны те, кто верит, что христианство — Боготкровенная религия, и с другой стороны, те, кто верят в то, что можно ее сформировать по своим потребностям». В общем-то, в отношении такого разделения православные и евангельские христиане

оказываются вместе в первой группе.

Конечно, как православный я понимаю, что есть множество вариаций внутри евангельского христианства, и особенно, заметна разница между арминиянцами и кальвинистами. Я строго придерживаюсь взглядов арминиянцев. Есть различия между харизматами и нехаризматами. Я скорее отнесу себя к харизматам. Православию, конечно же, свойственно большее единство в отношении доктрины и форм служения, чем в евангельских традициях. Между нами есть сильные разделения, особенно в нашем отношении к новым формам христианства и в подходе к христианскому единству и экуменистическому движению. Пожалуйста, заметьте, что в названии моей лекции не сказано, «чему евангелики должны научиться у православных». Моя лекция скорее о том, «чему мы можем научиться друг у друга». Диалог только тогда настоящий, если он взаимный, а не односторонний.

Сегодня позвольте мне исследовать три области. Конечно, это далеко не исчерпывающий список тем. Давайте рассмотрим Церковь и евхаристию. Во-вторых, Писание и Предание. В-третьих, действие Христа в Церкви. В таком тройственном разделении я стараюсь следовать совету своего епископа, который рукоположил меня в священники. В конце службы я попросил его совета для своего будущего служения. Он сказал, и был не первым, кто упомянул это: «Пусть в вашей проповеди всегда будут три аспекта, три мысли — не больше и не меньше». На самом деле, я думаю, что часто достаточно иметь хотя бы одну мысль в своей проповеди, а некоторые проповеди вообще не содержат никакой мысли...

Давайте начнем с Церкви и евхаристии. Для чего существует Церковь? Какова уникальная функция Церкви? Что может сделать только Церковь, и больше никто и ничто не может сделать? Мы могли бы от-

ветить так: «Церковь нужна, чтобы проповедовать спасение в Иисусе Христе». Это правда, но не полная. Мы существуем не только, чтобы провозглашать. Иисус на тайной вечере не сказал своим ученикам, «говорите это». Он сказал им, «творите это». Он говорил о действии святого причастия. Поэтому основа Церкви не только в словах, но в действии, действии евхаристии, с которым крещение неразрывно связано. Именно через эти два главных таинства Церкви — крещение и евхаристию — спасение открывается нам Богом, а от нас требуется ответ в форме исповедования веры. Поэтому Церковь является евхаристическим организмом. Единство не спущено к нам сверху властью или правилами. Единство в Церкви создается изнутри через совместное приятие таинства Крови и Тела Господа. Мои размышления о контактах православных с евангеликами стоит начать с евхаристии.

Следует сказать, что отношение православных к евхаристии, к Божественной литургии хорошо выражено в проповеди, произнесенной примерно в 864 году св. Фотием, патриархом Константинополя. Он описывает свои впечатления от возведенной церкви в городе и начинает с того, что говорит о радости и восторге, которые молящийся ощущает, попадая во двор церкви. Он стоит там, как будто выросший в землю. «Фасад церкви — новое чудо, как радостно его видеть. Но как только с большим усилием отрываешь себя, чтобы идти дальше, и заглядываешь в церковь, какая же радость, трепет и удивление переполняют тебя! Как будто попадаешь на самые Небеса». Есть несколько вещей, на которые стоит обратить внимание в этом описании. Первое — акцент сделан на внешнем виде. Евангельская традиция в основном полагается на слово произнесенное и услышанное. Конечно, это тоже важно для православных. Но мы верим, что благодать передается нам не только через уши, но и посредством глаз. По словам Фотия, мы от-

даем особое место истинной красоте в служении, и такое понимание очень дорого сердцу православного. В своем известном выражении Федор Достоевский сказал, «красота спасет мир».

В описании Фотия также обращает на себя внимание важность физического и материального. Иконы очень важны в православном служении. Мощи занимают особенное место. А ведь за этой важностью физического и материального стоит доктрина создания мира, как она выражена в первой части книги Бытия: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма». Несомненно, эта доктрина создания мира, конечно же, имеет прямую связь с экологическим кризисом и спорами наших дней. Но важнее всего в описании Фотия вот эти слова: «как будто попадаешь на самые Небеса». Это главный образ, который содержит православное понимание церковной службы Божественной литургии, Неба на земле.

Многие из вас помнят легендарную историю обращения Руси в христианство. Киевский князь Владимир, будучи язычником, направил своих послов в разные страны, чтобы исследовать и узнать, где же находится истинная вера. Когда послы прибыли в Константинополь, греки проводили их в великую церковь Св. Софии, где они посетили Божественную литургию. Вернувшись домой, они рассказали Владимиру, что именно там, в Константинополе на литургии, они нашли то, что искали. «Мы не знали, были мы на Небе или на земле. Конечно же, не встретишь больше такой красоты нигде на земле. Мы только знаем, что Бог пребывает там среди людей, и что их служение превосходит служение в любом другом месте, потому что мы не можем забыть эту красоту». Небеса на земле — вот, где мы подходим очень близко к пониманию Церкви у православных христиан. По словам св. Иоанна Златоуста, «Церковь есть место для ангелов, архангелов, Царство Бо-

жие, сами Небеса».

Русский епископ в Лондоне, митрополит Антоний Сурожский, чьи труды о молитве хорошо известны, сказал: «Церковь велика, так велика, что содержит и Небеса, и землю, так велика, что люди всех наций, всех культур, любых языков находят свой дом в ней». Небеса на земле. Во время молитвы православные христиане ощущают, что в их служении есть и небесное присутствие, умершие и живые молятся вместе. Таким образом в свои службы мы всегда включаем молитвы за усопших. Мы все молимся друг за друга, пока живы, но разве не стоит молиться друг за друга, даже если некоторые из нас уже пересекли реку смерти? И конечно, мы также молитвенно призываем благословенную Деву Марию и святых. Мы понимаем, что они молятся с нами, и не забываем просить их молитв.

Я хочу поделиться с вами собственным опытом от первого посещения православной службы. Я был воспитан в англиканской вере. Одним субботним вечером, когда мне было семнадцать, я проходил районом Лондона, в котором еще не гулял, и увидел церковь, в которую еще не заходил. Из любопытства я зашел в нее. Оказалось, это русская церковь. Стоял прекрасный солнечный день. Когда я вошел в церковь, внутри было темно. Поначалу я почти ничего не видел. Я лишь заметил, что нет скамеек, а вместо этого открывается большое пространство полированного пола, потому что православные обычно молитву совершают стоя.

Мое первое впечатление состояло в том, что церковь пуста. Потом я понял, что она не была совсем уж пуста. Ближе к стенам стояли люди, совсем немного и в основном престарелые, были видны иконы с зажженными перед ними лампадами. Где-то к восточному краю храма находился иконостас, горели свечи. Где-то дальше пел хор. Это была

обычная для русских субботняя вечерняя служба. Из-за иконостаса вышел дьякон и начал ектенью. И тогда у меня возникло полностью противоположное ощущение по сравнению с тем, что я почувствовал сначала. С переполняющей меня уверенностью я ощутил, что церковь вовсе не пуста. Она полна, полна невидимых сил, сослужащих нам. Мы, это малое, видимое собрание, были вознесены в действие, которое значительно превосходило нас самих. Я чувствовал, что как будто уже нельзя было провести границу между землей и Небом. Ангелы молились с нами, святые, святая Богоматерь, Сам Господь Иисус Христос — мы все участвовали в одном нераздельном акте молитвы.

Этим опытом православные и хотят прежде всего поделиться с нашими евангельскими братьями и сестрами. Иногда нам кажется, что евангельская доктрина Церкви не столь полна, как нам бы того хотелось. Да, Церковь это собрание людей, спасаемых верой. Но даже больше. Кажется, порой мы недостаточно уделяем внимания этому единению Небес и земли, присутствию Неба на земле в Тайнах. Но нам стоит избегать всяческого разделения, и вот, на ум приходит гимн протестантского поэта Чарльза Уэсли, «когда Небо и земля соединятся, ангелы и люди, в согласии». Именно так православные понимают главное действие Церкви — святую Евхаристию.

Однако, православные могут задать себе вопрос, «что евангелики могут предложить нам»? Первое, что приходит на ум, это проповедь. Как-то я гулял по Лондону, ходил по храмам, которые создал Кристофер Рен, в городе, который был отстроен после великого пожара 1666 года. Что прежде всего поражает, когдаходишь в храм XVII века? Большая кафедра, распложенная высоко с большим резонатором над ней. По сравнению с этим сооружением святой престол для евхаристии почти сокрыт где-то у восточной стены, он кажется очень небольшим, неза-

метным. Православные же церкви часто вообще не имеют кафедры. Наша храм в Оксфорде не имеет кафедры, и я проповедую со ступеней перед алтарем. А если и есть кафедра, она почти незаметна. Ну, конечно же, проповеди звучат в православных церквях, правда, чаще в США, чем в других странах. Но проповеди не кажутся православным особенно важными, хотя мы могли бы придавать большее значение им. А еще мы как священнослужители могли бы лучше готовиться к ним.

Я хотел бы еще добавить к этому. Православные любят литургию, но часто их понимание литургии очень неполное. Оно скорее инстинктивное, а не разумное. Евангелики могут помочь нам развить понимание веры, которое является более осознанным, более вдумчивым и, прежде всего, более личностным.

Я возвращаюсь ко своей второй теме: Писание и Предание. Православные любят говорить о себе как о Церкви святого Предания. Евангелик с поправкой может ответить, а как же Писание? Православным важно напоминать евангельским христианам и самим себе, — потому что мы забываем об этом, — что православная Церковь это также Церковь Святого Писания. Помню однажды я был на острове Патмос в Греции в монастыре св. Ионна, служителем которого я являюсь. Я работал в библиотеке. Вошли два господина, думаю, они были американцами, с целью сфотографировать манускрипты. Они не особенно обращали на меня внимание — ну что, какой-то там монах. При этом предположив, что я не знаю английского, они довольно громко говорили, то и дело включали и выключали свет, что несколько раздражало меня, потому что я пытался читать. Один гость спросил, «А что Библию-то они, видать, вообще не читают?» А другой ответил, «Нет, они только читают легенды о святых». В этот момент я решил, что пора вмешаться. Я поднял голову и сказал, «Вы знаете, мы иногда читаем Библию». Они оба покраснели,

замолчали и продолжили свою работу уже в тишине.

После того, как я сказал, что мы иногда читаем Библию, я подумал, но разве они не правы? Действительно ли, православные знают Библию в достаточной степени? Правда ли это часть нашей ежедневной жизни? Занимает ли Писание то же место в нашей жизни, что и в жизни евангеликов. Святые отцы православной Церкви подчеркивают важность Писания. Св. Григорий Нисский так пишет об этом: «Мы используем святую Библию для проверки каждой нашей догмы и правила, только исключая те вещи, которые сами по себе очевидно согласуются со смыслом Писания». Св. Иоанн Златоуст утверждает: «То, что изложено в Писании, произнес Сам Господь, а значит, что если даже кто-то восстанет из мертвых, или ангел спустится с Небес, он не заслужит больше доверия, чем писания». В XIX веке великий деятель русской Церкви святитель Филарет Московский так сказал об этом: «Единственный чистый и вседостаточный источник любой доктрины веры есть откровенное слово Божие, содержащиеся в святых писаниях. Все необходимое для спасения изложено в святых писаниях. Святое Писание есть слово Самого Бога и остается главным судьей разногласий. Решения соборов необходимо проверять святыми писаниями».

Мы помещаем Евангелие в середине жертвенника в алтаре каждой православной церкви. Мы проносим Евангелие во время крестных ходов. Верующие прикладываются к Евангелию во время службы. Мы проходим с Евангелием во время Божественной литургии. И тем не менее, со всем смирением православные должны испытывать себя. Действительно ли мы соответствуем высокому пониманию Григория Нисского, Иоанна Златоуста и Филарета Московского? Мы прикладываемся к Евангелию, но правда ли наши люди знают, что находится между переплетом это книги? К сожалению, есть трагический разрыв между

православными принципами и православной практикой. В этом евангелики, конечно, могут помочь нам. Ах, если бы только православные знали Библию, как знаете вы!

Св. Тихон Задонский, православный епископ XVIII века говорит: «Если земной царь или император напишет вам письмо, разве вы не прочтете его с радостью? Конечно же, при том с большим трепетом и вниманием. Но каково же наше отношение к посланию, которое было направленно нам не меньше, чем Самим Богом? Вы получили письмо не от земного императора, а от Царя Небес. И между тем, вы почти пренебрегаете этим даром, этим бесценным сокровищем. Открыть и прочитать это послание, означает войти в личное общение, встречу лицом к лицу с живым Богом. Каждый раз, когда вы читаете Евангелие, Сам Христос говорит с вами. А когда вы читаете, вы совершаете свою молитву и говорите с Ним Самим».

Евангельские христиане могут помочь православным воплотить то, о чем говорит св. Тихон. Вы можете нам помочь осознать личный характер Писания. Вы можете помочь нам быть в повседневной жизни по-настоящему библейскими христианами в том понимании, в котором мы ими сегодня еще не являемся. Православные слышат Евангелие, которое читают в церкви во время литургии, но нам недостает опыта чтения Библии дома — самостоятельно или в семейном кругу. Пусть же пример евангеликов вдохновит нас!

Что мы можем сказать о православии как о Церкви Святого Предания? В православии, как и в католицизме, в прошлом был обычай разделять два источника вдохновения — Писание и Предание. Предание рассматривалось как нечто добавленное к Писанию, и евангелики — и не без причины — были недовольны таким определением. Сегодня, однако, православные по большей части избегают подобных

определений. Мы подчеркиваем, что есть только один источник, а Предание не является вторым источником вдохновения, это не есть что-то добавленное к Святому Писанию. Это просто способ, которым сквозь века Писание понималось: мы так молились, применяли его и по нему жили в Церкви. Разве евангелики не могут признать подобный взгляд на Предание адекватным? Такое понимание не вступает в конфликт с принципом *sola scriptura* — только Писание.

Но, конечно, есть в этом отношении и сложности. Например, в рамках святого Предания православные верят в телесное вознесение Пресвятой Девы Марии на Небеса. Мы не утверждаем, что это догма, как об этом говорят католики, но это часть понимания верующих, и даже нашло выражение в служебном тексте на праздник Успения. Разве нет здесь проблемы, ведь этого в Писании не встретишь? У православных есть на это ответ, но я не буду сейчас его раскрывать.

Сколько бы пользы было, если бы православные и евангельские христиане изучали Библию вместе! Конечно, православные понимают Писание через Церковь и внутри Церкви. При этом, мы не исключаем критическое изучение Библии. Мы никакие не фундаменталисты. Но для нас исключительно важно, как Писание понималось святыми, все-таки это лучшие комментаторы Библии. А как Писание понималось святыми отцами? Хочу сказать, что среди евангеликов есть все возрастающий интерес к отеческому пониманию Библии. С удовольствием отмечаю, появление многотомного издания «Древних христианских комментариев к Писанию» под редакцией евангельского богослова, в работе над которым православные тоже принимали участие. Давайте же работать над этим вместе!

В-третьих, хочу сказать о действии Христа. Позвольте для этого рассказать об опыте одной поездки на поезде. В вагон вошел человек,

сел напротив и стал рассматривать меня с большим вниманием. Через некоторое время он спросил: «Вот вы — спасены?» Как я ответил? Ну, пока я вам этого не скажу, но упомяну об этом в конце лекции.

Что значит быть «спасенным» во Христе и Христом? Конечно, есть соблазн сделать ряд разделяющих нас заявлений на этот счет. Можно отметить, что евангелики фокусируют внимание на кресте, а православные на воплощении и Воскресении. Евангелики говорят об искуплении через наказательное замещение, православные думают о Христе как о Победителе над смертью. Евангельские христиане говорят «Христос для меня», а православные говорят «Христос во мне». Евангелики делают различие между оправданием, освящением и прославлением, хотя эти явления нераздельно связаны. В православии нет столь четкого разделения. И спасение рассматривается в православии как продолжающийся процесс, и по словам митрополита Антония, «обращение начинается, но оно никогда не завершается».

Православные, говоря о спасении, прежде всего обращают внимание на элемент обожения. По словам св. Петра, мы становимся «причастниками Божеского естества» (2 Петр. 1:4). Евангелики, считается, в своем отношении к спасению Христом, скорее опираются на конкретное действие и формализуют спасение, используя при этом юридические категории, тогда как православные придерживаются более органического и терапевтического подхода, используя образ исцеления. Православные, ну так говорят, делают акцент на любви как мотиве воплощения Господа, тогда как Ансельм и Кальвин на Западе скорее обращают внимание на справедливость Бога и Его праведность. Евангелики говорят о втором рождении и уделяют особое внимание обращению человека. Православные в целом рождены однажды, хотя, определенно, я могу назвать в своей жизни момент обращения ко Хри-

сту, который наступил до того, как я пришел в православную Церковь. Однако, все же в православном понимании обращение — это процесс на протяжении всей жизни.

Несмотря на все эти различия, нам не следует предавать им слишком большое значение. Мы не должны разговаривать в терминах «вот только так и никак по-другому». Мы должны говорить на языке «можно так, а можно иначе». Во время своей первой поездки в Америку еще студентом я отправился на океанском лайнере, потому что тогда для путешествия воздухом нужно было быть очень богатым. Наш путь занимал около пяти дней. Еда была включена в стоимость билета, поэтому, когда я пришел в ресторан, я был рад узнать, что можно было взять целую тележку с едой по меню. Еда не была разделена на отдельные подходы, и можно было съесть, сколько угодно. Отличная новость для голодающего студента, который хотел получить полную отдачу от потраченных на билет денег! На завтрак можно было съесть и овсянку, и хлопья, и фруктовый сок, а потом еще фаршированную рыбу и яйца с беконом, если, конечно, вы готовы были к такому пиру посреди спокойных вод Атлантики. За обедом люди, которые сидели со мной за одним столом, были очень скромны в своем выборе и съедали всего по три блюда: суп, а потом еще может быть мясо и пудинг. Я же находил способ потреблять семь или восемь блюд.

В общем-то, я бы хотел применить модель этого ресторана на борту лайнера для нашего подхода к доктрине искупления. В Священном Писании можно найти множество различных образов для спасения. Эти образы перечислены, но толком не объясняются. Писатели Нового Завета просто упоминают эти великие образы, но не предоставляют единой систематической теории, которая бы их объяснила. Таким же должен быть наш подход к пониманию спасения: в использовании различных

образов того, что мы можем найти в Новом Завете. Например, есть образ замещения в 2 Кор. 5:21: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем (во Христе) сделались праведными пред Богом». Однозначно это доктрина замещения. Поэтому образ замещения, очевидно, почерпан нами из Писания. Впрочем, православные не слишком часто его используют. Возможно, нам стоит научиться у евангеликов уделять ему большее внимание. Образ замещения, конечно же, представлен у отцов Церкви, например, у Афанасия, который говорит о Христе как о «Том, Кто отдает Свою жизнь вместо нашей».

Православные вместо этого чаще говорят об обожении, и это находит подтверждение не только в 2 Петр. 1:4. Об этом можно прочитать на протяжении всего Евангелия от Иоанна. В Ин 10:34 Христос приводит цитату из Псалмов, «Я сказал: вы боги», и Он говорит, что те, кому Божественное Слово явилось, назывались богами, и мы не можем не замечать этого в Евангелии. Но и помимо этого, во всем Евангелии от Иоанна есть тема передачи славы — «И славу, которую Ты дал Мне», — говорит Христос Отцу — «Я дал им: да будут едино, как Мы едино». А еще в разных посланиях Павла содержится идея пребывания во Христе, и это не просто метафора, и ее надо понимать во всем реализме. Когда мы читаем Рим. 3 об оправдании, нам также следует посмотреть Рим. 6, где сказано о союзе со Христом в его смерти, погребении и Воскресении через крещение.

Итак, обожение является центральной темой для православных. Однако, это также важная тема для поэта Чарльза Уэсли. Вспомните его гимн «После того, как Сын освободил меня», где он пишет, «преобрази мою природу в Свою». Это, конечно, именно то, что православные понимают под обожением. Не мы становимся новыми участниками Святой Троицы, конечно нет. Но спасение означает полную трансформацию

нашего существа в благодати и славе живого Бога.

Нам все время следует напоминать себе, что возможно считать и так, и иначе. Нам следует оперировать пониманием самых различных образов искупления, которые можно найти в Писании. Впрочем, чему православным действительно стоит научиться у евангеликов — это более глубокому чувству личного опыта участия в спасении. Нам не следует просто повторять, что «Христос умер», но «Христос умер за меня». Православным следует обрести пламенное желание ощущения личной принадлежности нашей жизни Христу, надо уделять больше внимания тому, что своей верой надо поделиться с другими через Евангелие и миссию.

Но как и прежде, будем помнить, что следует избегать резкого противопоставления. В православии тоже есть понимание личной встречи со Христом. Например, обратитесь к трудам святого XI века Симеона Нового Богослова. У него мы часто встречаем утверждения относительно личного опыта пребывания в Святом Духе. Существуют и православные движения обновления: они активны в Румынии, в Греции и в Леване. Существуют православные миссии в Кении, Уганде, Корее, Японии, но мы могли бы делать еще больше.

В завершении позвольте мне процитировать слова моего друга доктора Бредли Насифа. По его мнению, православная Церковь — самая евангельская Церковь в мире по причине адаптации духовной концепции воплощения и троичности. Я православный и верю, что моя Церковь именно поистине евангельская. Впрочем, признавая разрыв между теорией и практикой, я считаю, что православным нужна помощь братьев и сестер-евангеликов, чтобы воспринять истинность своей роли. Нам нужны вы, чтобы стать самими собой.

Но вы теперь спросите, «как же ты ответил тому человеку в поез-

де?» Конечно, я не мог ответить, «нет, я не спасен». Таким образом я бы отрекся от Спасителя. Я не смог сказать, «да, я спасен», как если бы это уже был исторический факт, не предполагающий изменений. Бог верен Себе, Он не переменится. Но я обладаю свободной волей и могу сойти с пути спасения. Помнится, даже св. Павел после своего обращения по дороге в Дамаск выразил это опасение, «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9:27). Ну, если даже Павел не был уверен, у меня должны быть причины для сомнений.

Если бы я ответил тому человеку в поезде, «Я не знаю», он бы мне сказал, «Что за ответ? Иди и узнай любой ценой, если ты даже не понимаешь, зачем ты ходишь в одеяниях священника». На самом деле, я ответил так, «Я верю, что по милости Божьей, я спасаем». Не «спасен», а «спасаем». Спасение, как я сказал, — это процесс, не отдельное событие, а продолжающееся путешествие, паломничество, которое завершается только в момент смерти. Таков был мой ответ тому человеку в поезде. Но если вы можете предложить лучший ответ, пожалуйста, дайте мне знать.

Вопросы и ответы

Вопрос Сегодня вы обозначили несколько точек соприкосновения евангеликов и православных. Думаете ли вы, что протестанты и православные смогут объединиться за столом Евхаристии?

Митрополит Каллист Прежде всего, позвольте попросить прощения за свою долгую речь. Когда я только начинал свой путь преподавателя в Университете Оксфорда, я боялся, что иссякну посередине и мне нечего будет сказать студентам. Меня насторожил трагический пример одного человека, который в начале своей университетской карьеры проводил свою первую лекцию за день до меня. Он начал

свою лекцию и думал, что материала хватит на 50 минут. Напротив, он излагал его так быстро, что закончил через 20 минут. Ему следовало просто начать заново, потому что аудитория все равно ничего не поняла. Вместо этого, он поднял голову, сказал, «простите, это все, что я имею вам сообщить», и вышел вон. В замешательстве, впрочем, он не смог найти нужный выход из аудитории и заперся в шкафу для швабр. К пущему стыду, оттуда его должны были выручить сами студенты. Именно поэтому сегодня до начала лекции я хорошенько осмотрел зал в поисках хорошего шкафа на случай, если мне придется быстро ретироваться. Но как видите, я так и не иссяк. Моя проблема всегда в том, что мне слишком много надо сказать.

Теперь к вашему вопросу. Он исключительно важный. В нашем диалоге, в своем поиске христианского единства мы очень озабочены тем, чтобы добиться полного единения за столом нашего Господа — в евхаристическом общении святого причастия. Это наша цель и надежда, и нам не следует никогда забывать об этом.

Есть два различных подхода к разрешению этого вопроса. Кто-то скажет, что у Святых Таин великая сила. И, мол, давайте же соединимся в евхаристии здесь и сейчас, несмотря на наши разделения. Тогда само причастие Тела и Крови Христа поможет нам преодолеть разделения, которые по собственному усилию мы не можем преодолеть. Мол, доверяйте Тайнам — в них великая сила. Но есть и другой подход, при котором мы не должны относиться к причастию и Тайнам как к средствам достижения цели. Напротив, они должны стать финальной наградой за наши усилия. Сначала нам следует прийти к согласию в вере (что конечно не означает согласие в каждом богословском мнении), а потом уже получить награду и возрадоваться в чуде нашего обретенного единства веры в едином святом причастии.

Православным все же ближе второй подход. Я с величайшим уважением отношусь к тем христианам, которые придерживаются первого взгляда. Но все же, когда я получаю святое причастие, я в этом действии выражаю мою всецелую веру в Христа. Не слишком реалистично для меня разделить причастие с людьми, которые понимают веру по-другому. Кажется, различия между нашими такими разными христианскими традициями слишком велики, чтобы мы на данном этапе смогли начать евхаристическое общение. Нам следует работать над преодолением различий, а потом соединиться в великой радости совместного участия в Тайнах. Следовательно, православные могут признать, что мы уже разделяем многие общие элементы веры, но мы всегда обращаем внимание на эту добавку «пока что нет». Пока мы не станем ближе в нашем общем понимании веры, еще не настал момент объединиться в Тайнах.

Вопрос Вы упомянули, что православное понимание литургии более интуитивно, чем сознательно. Скажите, разве диалог между нами не стал бы проще, если бы православные понимали литургию лучше?

Митрополит Каллист Позвольте мне только добавить к своему прошлому ответу, что для меня является предметом глубокого сожаления то, что православные не могут разделить причастие с вами, и нам следует всем сожалеть о нашем разделении, даже если оно нам кажется неизбежным.

Как же православные могут более полно принимать участие в литургии? Необходимо, мне кажется, больше использовать пояснений по ходу службы. Пусть проповеди основываются на чтении из Писания текущего дня, но они также должны быть посвящены пониманию структуры и значения литургии. Поэтому я, конечно, призываю своих православных сослужителей комментировать литургию и объяснять

ее значение, чтобы наша вера могла получить понятное обоснование. Есть несколько хороших книг о значении православной литургии, и мы должны поощрять прихожан в их чтении. Еще хорошо бы, если бы православные научились приходить к началу службы. Мои кипрские прихожане никогда не спрашивают меня, «когда же служба начинается?». Они спрашивают меня, «когда служба заканчивается?».

Таким образом, нам надо бороться с номинальным присутствием и поощрять желание людей воспользоваться различными способами более глубокого проникновения в значение литургии. Это также значит, среди прочего, что литургия должна проходить на языке, который понятен молящимся.

Вопрос Вы упомянули, что есть в православной Церкви люди, которые не поддерживают экуменистический диалог. Почему?

Митрополит Каллист Прежде всего, они объясняют это своей уверенностью в том, что православная Церковь является единственной истинной Церковью Христа на земле. Это утверждение, действительно, содержится в нашей вере, но некоторое особенно ортодоксальные православные, которые не поддерживают диалог, извлекают из этого самые жесткие последствия. Некоторые из них скажут, что за пределами православной Церкви не существует истинных Тайн и благодати Святого Духа. И все же, я православный и я считаю, что невозможно в это поверить. Уверен, по присутствию Святого Духа в других христианских сообществах, что есть много святых, как женщин, так и мужчин, в других христианских собраниях, и конечно же я верю, что есть подлинная благодать в крещении, всюду, где оно совершается во имя Святой Троицы с использованием воды. Конечно же, в отношении католиков я верю еще в подлинную реальность Тайн, которые есть истинная евхаристия.

Я бы лучше сформулировал утверждение о том, что православие является истинной Церковью, с использованием слова полнота. Я верю, что со всем смирением в православии присутствует полнота веры и духовной жизни, которую нельзя более найти нигде. Было бы неискренне отрицать это сегодня перед вами. Это не значит, впрочем, что вне православной Церкви — одна крошечная тьма. А значит, я верю, что есть динамичное и живое присутствие благодати Христа и Святого Духа в других христианских сообществах. Я верю, что они порой видели, понимали и проживали истинную веру более полно, чем православные. Также я думаю, что нам многому можно у них научиться. Научиться не тому, что полностью отсутствует в нашей традиции, а тем вещам, которыми мы стали пренебрегать и забыли. Вот почему я говорю, что вы нам нужны, чтобы быть самими собой.

Думаю, что те, кто выступает против диалога с другими христианами, говорят так с позиций полноты в православии, и они считают, что нам нечему научиться у других. Я бы сказал по-другому. Несмотря на то, что полнота в православии есть, нам просто необходимо учиться у других, потому что другие могут помочь нам понять самих себя. Говорят, что настоящий смысл путешествия в том, что ты возвращаешься домой и видишь его новыми глазами, как будто впервые. Это же можно сказать и о межхристианском диалоге. Разговаривая с другими, мы оглядываемся на свою собственную Церковь и видим ее новыми глазами.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

Почему в конце вечерней службы перед воскресеньем и праздниками из алтаря выходят голосистые дьяконы (так их называют?) и, размахивая лентами, кричат: «Исполним утреннюю молитву...». А на часах еще около 9 часов вечера? На какой часовой пояс они ориентируются? Быть может, по серости своей, я чего-то не понимаю. Простите.

Анастасия

Дорогая Анастасия!

Самоуничтожение здесь неуместно. Вы не должны разбираться в тонкостях православного богослужения (это — весьма специальная область знаний), но стремление уяснить логику происходящего во время богослужения — похвально. Думаю, мало кто из прихожан задумывается над древними богослужебными традициями, изначальный смысл которых давно уже противоречит их месту в современном

суточном цикле богослужений. Вы имеете в виду происходящее во время богослужения, именуемого у греков Агриппния (букв. «бессонное», «бодрствование»), а у нас Всенощное бдение, или, в народе, — Всенощная. Его история интересна и поучительна.

В 485 году святой Савва Освященный основал на западном склоне реки Кедрон — в Иудейской пустыне — монастырь, ставший впоследствии знаменитой Лаврой Святого Саввы. Монахи жили поодиночке в пещерах, лепившихся по крутым берегам как ласточкины гнезда. Под воскресенье они собирались в монастырском храме и проводили там всю ночь, потому что расходиться по кельям после вечернего богослужения было смертельно опасно. Они подкреплялись хлебом и вином (в память этого у нас раздают кусочки хлеба, пропитанные вином), а затем в чтении Псалтири и духовных беседах, именовавшихся кафизмата («седалные»; ныне смысл этого термина иной) дожидались утра; во время бесед можно было немного подремать. Так вечерняя служба перетекала у них в утреннюю. Когда же над горами начинал алеть Восток, возглавляющий богослужение торжественно возглашал «Хваление Зари» («Слава Тебе, показавшему нам свет!»). Монахи благодарили Бога за то, что Он даровал им возможность встретить еще один новый день земной жизни. Через какое-то время служилась Литургия, все причащались и расходились по своим кельям-пещерам до следующего воскресенья или праздника. Понятно, что такое продолжительное богослужение было вызвано местными специфическими жизненными условиями.

Постепенно на Востоке сформировался так называемый Иерусалимский (Палестинский, или Савваитский) богослужебный устав (греч. Типикон), обнимающий все стороны церковной жизни (своего рода церковная Конституция), и Агриппния вошла в него в качестве первой

статьи как отличительная особенность славной Лавры Святого Саввы. К XIV веку авторитетный Иерусалимский устав вытеснил другие уставы Православного Востока (и материковой Греции), а в России стал доминировать в XV веке. До этого наши предки жили по Студийскому уставу (принятому вместе с крещением Руси), который сформировался в городском Студийском монастыре Константинополя. Всенощного бдения этот Устав не знает: городские монахи безопасно расходились по кельям после вечерней службы и возвращались в храм к утренней. Проводить в церкви всю ночь не было никакой необходимости.

Авторитет Иерусалимского устава был таков, что стал определять и богослужение в приходских храмах, хотя, разумеется, сокращение полного богослужебного строя для мирян было неизбежным. (В XIX веке в Греции был создан особый богослужебный Устав для приходских храмов — то есть для мирян, а у нас его — увы! — нет до сих пор. Но это — особая тема.) Ясно, что ситуация со Всенощным бдением принципиально неразрешима. Согласно предписанию Устава, это богослужение начинается во время захода солнца, а оканчивается при его восходе (посмотрите любое современное издание Типикона). Но на широте Санкт-Петербурга, например, самая продолжительная ночь — 17 часов (возможно ли даже самым ревностным молитвенникам соблюсти Устав?), а за полярным кругом, если понимать предписание Устава буквально, Всенощное бдение вообще не может совершаться: нельзя же восклицать «Слава Тебе, показавшему нам свет!» во время полярной ночи (впрочем, как и полярного дня).

Наша современная «Всенощная» (именно в кавычках) состоит из Вечерни (как правило), Утрени (начинается с Шестопсалмия) и краткого 1-го Часа (читается псаломщиком на клиросе, духовенство в это время разоблачается в алтаре) и продолжается в среднем около трех часов

(с 18 до 21 часа). Несколько дольше продолжается Всенощное бдение в большинстве монастырей, учитывающих и силы многочисленных паломников, приезжающих для разумной молитвы, но не для умерщвления плоти (не имею в виду опыты отдельных обителей, в основном скитов). Понятно, что совершать Утреню и «утренний» же по смыслу I Час вечером — значит профанировать тему содержащихся в них молитв и песнопений, строго соотнесенных с конкретными часами (древними стражами) суток: не зря же эти службы называются «Богослужения суточного цикла», а содержащая их книга — «Часослов»! Можно пытаться совершить пятилетку в четыре года, но нельзя «отмолиться наперед», заранее возблагодарив Бога вечером за еще не дарованную Им утреннюю зарю. У нас во время возгласа «Слава Тебе, показавшему нам свет!» зажигают яркие паникадила, это наивно и смешно: в этом случае благодарность показавшему нам свет относится не к Богу, а к главному энергетик или изобретателю электричества... Столь же бессмысленны (строго говоря, даже кощунственны) призывы исполнить вечером утренние молитвы, о которых Вы пишете. Этим мы словно бы «заставляем» Бога непременно продлить все наши жизни до утра, когда утренние молитвы обретут законную силу, но что если у Него другие намерения и кто-то из нас не проснется?...

Благоразумные греки давно уже отказались от Агриппии и совершают Вечерню вечером, а Утреню утром. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917—1918 годов обсуждал это и другие несоответствия между реальной жизнью и уставными нормами (см.: Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001). Были намечены широкие реформы в области Устава (предлагалось, в частности, вернуться к Студийскому уставу), но конкретные решения не были приняты из-за преждевременного роспуска Собора в условиях

«красного террора».

Подробно об истории Всенощного бдения смотрите: Всенощное бдение // Православная энциклопедия. Том IX. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. — С. 668-680. Приведена основная библиография.

Пишите, если возникнут другие вопросы, связанные с этой темой.

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Псалмы

Священник Джон Джилионс

Хочу сказать, во-первых, что псалмы являются по-настоящему животворящими для меня лично. Каждый день я нахожу немного времени для спокойного размышления, а те дни, из которых эта моменты тишины выпадают, складываются не слишком хорошо. И псалмы составляют важную часть этого времени. Я не настолько уж верен Богу, чтобы читать сразу по целой кафизме — собранию нескольких псалмов — но стараюсь читать хотя бы один псалом в день и размышлять о нем.

Для меня такое чтение, говоря словами самих же псалмов, является «потайным местом» (Псалом 31:7 «Ты покров мой: Ты охраняешь меня от скорби, окружаешь меня радостями избавления». «Покров мой», — в другом переводе «потайное место, тайник»). Они дают тебе возможность быть тем, кто ты есть на самом деле, быть искренним и честным перед Богом. Это главное, с чего хотелось бы начать. Псалмы — место непосредственной встречи с живым Богом, который настолько велик, что способен понять и принять все твои чувства, какими бы они

ни были. Для меня это потрясающая характеристика псалмов: они не боятся самых глубинных чувств человека: будь то великая радость, сильная злоба, отчаяние, ощущение того, что ты окружен врагами, чувство богооставленности. Почти шокирующее открытие состоит в том, что псалмы способны выдержать самые жесткие человеческие чувства, даже ненависть... Что ни назови — нет чувства, которые псалмы не могут снести, и Бог не мог бы выдержать. И это дает чувство облегчения, особенно в мире, в котором ты должен постоянно следить за тем, что говоришь и делаешь, в мире политкорректности. Даже церковная жизнь не лишена этого саморедактирования и сдерживания. Но есть место, тайное место пребывания с Богом, где легко быть искренним в своей молитве — и это дает ощущение настоящей свободы.

Также в псалмах для меня важно чувство постоянного присутствия Бога и Его водительства, в особенности в ситуациях жизненных трудностей. Очень многие псалмы говорят о врагах, и мы всегда можем перевести эту терминологию на духовный язык. Нашими врагами могут быть страсти, болезни, обстоятельства на работе, отношения с коллегами, отношения в семье. Часто мы сталкиваемся с людьми, которые вовсе не на нашей стороне: такова данность жизни, и псалмы признают это. Но при этом ты понимаешь, что Бог сопутствует тебе во всех обстоятельствах, и даже если ты не чувствуешь Его присутствие, Он всегда пребывает рядом. Для меня это очень мощное чувство.

Важно помнить, что слова псалмов существуют уже много тысяч лет. Верующие — иудеи, христиане — всегда обращались к этим словам, и сам Господь произносит их. Поэтому слова, которыми мы молимся, были также на устах Господа Иисуса Христа и святых. Это придает строкам псалмов удивительную весомость. В то же время, эти слова, которые пребывают с нами столь долго, и были столько раз произне-

сены многими людьми, все же остаются глубоко личными для каждого человека. Отец Александр Шмеман в одном из своих размышлений был глубоко тронут этим самым обстоятельством — псалмы прочтены многими людьми на протяжении многих поколений, и все же они задевают очень личные струны, как будто обращены непосредственно ко мне. Отец Александр особенно указывает на 138 псалом: «Господи! Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали... Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты...». Вот такая книга, которая доступна всем, и одновременно обращена лично ко мне. Это нечто, что я нахожу исключительно важным.

Если ты живешь более или менее активной жизнью в Церкви, посещаешь службы, то неизбежно слышишь отголоски псалмов то тут, то там. Ты читаешь псалмы и тут же слышишь их эхо в литургической жизни. Например, 136 псалом «При реках Вавилона...» нельзя прочесть, не вспомнив подготовку к великому посту. Нельзя не уловить в нем искреннее ощущение страданий иудейского народа в изгнании или Адама, страдающего из-за своего изгнания из рая. В скорбях псалмов с 119-го по 133-й слышна сама литургия преждеосвященных даров, и это же эхо доносится до нас во время великого поста. На Пасху — «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его...». Читаешь эти слова и сразу же ощущаешь ткань пасхальной службы. Псалмы перед причастием — 22-й, 23-й, 115-й — стоит их прочесть, как сразу задумаешься о Евхаристии, литургии. Или псалом, который наиболее часто используется в православной Церкви, покаянный псалом, 50-й. Или 5 псалом: «войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему...», который читается священником перед входом в алтарь.

Снова и снова псалмы возвращают нас к литургическому опыту. Наиболее ярко это выражено в 118 псалме, который к тому же является самым продолжительным. Это удивительное размышление о Законе, под которым понимается Закон, изложенный в первых пяти книгах Ветхого Завета, и вместе с тем — истинное откровение Бога и настоящее чудо. Этот псалом — настоящее пиршество любви, которой Бог делится, чтобы открыть Себя, чтобы разделить Свою жизнь со Своим народом. Православный человек не может прочитать его и не услышать мотив утрени Великой субботы. В словах 118 псалма, можно осознать всю удивительность Закона Божьего, стоя перед гробницей Христа Его. И затяжная служба этого дня, почти монотонная — по словам отца Александра Шмемана, «осознанно монотонная», — проходит в темноте, и гробница темна, а затем неожиданно в конце звучат гимны Воскресения, зажигают свет. Получается, этот псалом ассоциируется со Христом во гробе, но также и с Его Воскресением. И мы слышим слова, части этого псалма на утренях каждую субботу, в канун малой Пасхи, воскресенья. И вот вам снова тема Воскресения в псалмах.

А еще 118 псалом читают на отпевании. И оказывается, что он не только говорит о Христе. Нет, оказывается, Христос еще соединен с нами в нашей смерти и смерти наших близких. Поэтому каждый раз на погребении, когда я слышу слова 118 псалма, я не могу не подумать о Воскресении, страстной седмице. Возникает ощущение, противоположное безысходности. Это понимание на грани смерти и Воскресения Христа, смерти и будущего воскресения, чувства надежды о близком человеке, который уже пребывает во гробе, в могиле. В этом — вся надежда христианской жизни. Каким-то непостижимым образом все выражено в этом удивительном псалме и в тех литургических связях, которые мы можем провести, когда слышим его отголоски в различных

службах.

Лично для меня наиболее удивительный и трагический опыт соприкосновения с псалмами возникает в присутствии людей, которые находятся на грани смерти. Я был у смертного одра нескольких тяжелобольных, которые просили читать им псалмы. Иногда я читал их по-английски, иногда по-славянски, иногда сам или попеременно с женой. Читать псалмы, когда кто-то умирает, — это по-настоящему сложный и тонкий опыт. Ты читаешь псалмы, совсем рядом умирает человек, и вдруг осознаешь, что все это не напрасно и получит свое продолжение в воскресении. Насколько честно звучат слова псалмов о потере, смерти и оставленности, но при этом ты еще чувствуешь исходящий от этих строк свет, который как бы оборачивает тебя. Не надо, конечно, предаваться эйфории по этому поводу, потому что страдание — настоящее и потеря — реальна. Человек уходит от нас на самом деле, потому что жизнь реальна, и это заставляет нас плакать и рыдать. Но в то же самое время ощущаешь присутствие Бога, и только Он способен осветить происходящее Своим светом, с которым ничто не может сравниться.

Особенно остро я столкнулся с этими переживаниями в болезни моей сестры Аллы, которая умерла от рака четыре года назад. Она ужасно страдала, и я давал ей почитать псалмы и сам читал для нее. Когда я думаю о псалмах и болезни, я каждый раз вспоминаю свою сестру, и это оказывает глубочайшее воздействие на меня. Некоторые псалмы я не могу читать, чтобы ни вспомнить об этих трудных и скорбных днях. Уже после ее смерти я посмотрел на список псалмов, который предложил ей: многие из них говорят о страдании и смерти, в особенности 87 псалом, который связан с чувством полного отчаяния. Но хочу подчеркнуть, что удивительным образом это дает нам поддержку и даже

ободрение в том смысле, что Сам Бог стоит за этой предложенной нам ситуацией абсолютной оставленности и отчаяния. Вот в этих словах, например: «Господи, Боже спасения моего! днем вопию и ночью пред Тобою: да внидет пред лице Твое молитва моя; приклони ухо Твое к молению моему, ибо душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней. Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы, между мертвыми брошенный, — как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты... Для чего, Господи, отрываешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня? Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю... Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно». В конце этого псалма даже нет никакого света, и эти слова обнажают человека в его искреннем и честном чувстве одиночества, как будто бы вокруг и правда нет никакого проблеска света. И тем не менее, этот псалом находится в списке для чтения, который я дал своей сестре и который я читал часто, молясь за нее. После ее похорон я снова перечитал эти псалмы. Представляете, они прозвучали совсем иначе по ту сторону смерти в свете Воскресения, в свете страстной седмицы. Ты читаешь те же самые слова отчаяния, и понимаешь, что вера в воскресение, вера в Христа преображает реальное чувство оставленности, страдания и смерти и исполняет нас искренней христианской надеждой.

Это и есть благая весть Евангелия. Никакая ни магия, ни сказка, а настоящий жесткий опыт соприкосновения с реальностью жизни и смерти. Вот что поддерживает меня, почему я нахожу псалмы полными искренней надежды, которая дает возможность одновременно быть честным с самим собой, но также дает величайшее упование на Христа и на воскресение.

Могу лишь посоветовать тем, кто еще не погрузился в псалмы, попробовать их читать. Начать можно с чтения понемногу, но постоянно. Если вы сталкиваетесь с фрагментом, который непонятен вам, двигайтесь дальше, к тому, что вы понимаете. Вам необязательно читать сложные комментарии, чтобы разобраться во всех хитросплетениях псалмов. Вам стоит лишь попробовать их читать, ведь есть столько всего в этих строках, что доступно каждому человеку здесь и сейчас и оказывает животворящее воздействие на нас.

ЗА БУГРОМ

Фермер-священник в глубинке Уэльса

Передача на радио Би-би-си Уэльс

Слышен громкий женский голос, который погоняет коров.

— Прекрасная тренировка голоса приходского священника для проповеди с кафедры. Просто загнать коров — отличная возможность развить вокальные данные.

Ведущий Рой Дженкинс отправился на обычную валлийскую ферму, где работа начинается с самого раннего утра. Конкретно у этого фермера есть еще вторая работа, которая занимает время до самого позднего вечера и уводит ее далеко от дома. Попробуем прожить ее обычный день.

— Даже загнать коров в стойло — настоящий рай на земле для меня, это дает такое чувство мира, ощущение покоя и тишины здесь просто поразительно.

Мы на огромной ферме, которой управляет фермер и англиканский священник преподобная Айлин Дэвис в партнерстве со своим мужем. Это уже пятое поколение фермеров из одной семьи на этой земле. В

своим священническим качеством она отвечает за целую группу англиканских приходов, разбросанных на расстоянии десятков километров друг от друга. Помимо своих обязанностей на ферме и в церквях, Айлин Дэвис также занимает ряд позиций в общественных и церковных организациях.

Ведущий Расскажите об этой ферме.

Айлин Дэвис Во-первых, хочу поприветствовать вас на этой земле. Ферма, как вы уже сказали, исторически принадлежит семье моего мужа. У нас в общей сложности 300 акров, часть из этой земли мы арендуем, но большей частью владеем. Мы владеем отличным племенным стадом коров, которых мы каждое утро и каждый вечер с мужем доим. За наши грехи у нас еще есть немалое поголовье овец. Так что у нас довольно неоднородная ферма, но мы стараемся продолжать традицию, и надеюсь в права скоро вступит шестое поколение нашей семьи.

Ведущий Фермерство — суровый бизнес. Что заставляет вас работать на этой ферме?

Айлин Это сложный бизнес, но если относиться к этому как к бизнесу, еще тяжелее становится. Но для меня и мужа это образ жизни, нечто, от чего мы получаем удовольствие, даже если мы постоянно привязаны к своему хозяйству 24 часа 7 дней в неделю, и это без учета всех моих других обязанностей... Но для нас это такая потрясающая возможность работать вместе над достижением собственных целей. Мечта моего мужа — вывести лучшую породу коровы, потому что черно-белые коровы действительно составляют важную часть его жизни, и мне так здорово работать рядом с ним.

Ведущий Есть что-то одно, что мотивирует вас, что позволяет сказать себе самой, да, я люблю быть фермером?

Айлин Я люблю вставать каждое утро, особенно в такую отличную

погоду, которая у нас держится последние несколько недель. Это мой образ жизни, возможность быть на природе, загонять коров по утрам, когда природа еще так прекрасна и спокойна. Ты просто слышишь щебет птиц и восторгаешься Божьим творением. И для меня это величайшая радость, которая может только существовать.

Ведущий Вы фермер и приходской священник. Как так могло получиться?

Айлин Это долгая история, как я стала приходским священником. Я родилась и выросла в одной нашей деревеньке, куда и ходила в церковь. С самого раннего возраста, уже с 18 лет я была избрана церковной старостой. Время шло, а я все задавалась вопросом, достаточно ли делаю для Бога на своем месте, и мне порой казалось, что я могу делать больше. Прошло совсем немало времени, и наша женщина-священник заинтересовалась у меня, почему бы мне не стать священником самой. На что я ответила ей, что она, наверное, шутит. Но она была довольно настойчива и обещала поговорить с епископом. И я пошла по ступеням церковных интервью в нашей округе. Тогда уже я поняла, что действительно происходит нечто необычное, и подумала, что это действительно призвание Божье.

Ведущий Почему приходы так разбросаны между собой? Это потому что вас слишком хорошо знали в вашей деревне? (смеется)

Айлин Хороший вопрос. Я начала свое служение совсем в другом месте, и постепенно это занимало все больше и больше моего времени. В итоге мне предложили вообще переехать в ту деревню. На что я ответила, что не могу просто перебраться туда из-за своей фермы. На что мой руководитель ответил, что 25 километров — не такой большой путь, может, вы отправитесь к ним и посмотрите, будет ли удобно вам ездить туда. Сказано, «не бывает пророк без чести, разве только в от-

ечестве своем и в доме своем». Но та поддержка, которую мне оказали на своей собственной земле в моем долгом и непростом путешествии на пути к священству, была удивительной. Местная община, люди, которые знали меня с тех самых пор, как я родилась, всегда очень сильно поддерживали меня. Когда я посещаю фермеров, да и вообще своих соседей — для меня это настоящее благословение, потому что я говорю на их языке, понимаю их потребности. Я понимаю, когда у них возникают проблемы с заполнением отчетных форм или особенностями двойного клеймления животных, туберкулезом, извините — во всех этих вопросах я могу поставить себя на их место, потому что это моя жизнь тоже.

Ведущий Как выглядит ваш обычный день?

Айлин Он начинается что-то в шесть или семь часов утра в доильном зале, где мы проводим около трех часов — надо подоить и накормить коров, ну и самим что-то перекусить после этого. Еще, например, сегодня меня попросили посетить ферму в связи с проблемами и кризиса в этом хозяйстве, что заняло еще около трех часов сегодня днем. Мне еще предстоит встретиться со своими прихожанами, а также провести занятие понедельничного клуба для учеников младших классов — это займет еще час-полтора. Вечером нас снова ждут коровы. Где-то с десяти до одиннадцати мы возвращаемся домой, что-то перекусываем, и если я не слишком устала, могу еще добраться до компьютера и поработать над документами. Обычно день длится где-то с шести утра до одиннадцати вечера, когда уже очень хочется спать.

Ведущий Сложно ли совмещать интересы церкви и фермы?

Айлин Всегда возникает проблема, если вы делаете из этого проблему. Как я уже сказала, мне оказывают огромное поддержку и в семье, и на приходах. Люди всегда поймут и простят мое небольшое

опоздание в воскресенье. Прихожане всегда шутят в таких случаях, что меня задержала дойка коров или стрижка овец. Ну не так уж много проблем вообще бывает, и всегда находятся способы их решать, если прикладываешь к этому свою душу.

Ведущий Что вы делаете в качестве приходского священника для этих людей? Что находится в центре вашего служения?

Айлин Служение людям на приходе значит для меня всегда быть открытой и доступной для них, делиться Божественной любовью, которая никогда не иссякнет. Когда ты это понимаешь, то можешь сделать огромный вклад в жизни людей. Это возможно, пока мы работаем вместе и понимаем, что в основе всего лежит Божественная любовь.

Ведущий Помимо всего прочего, вы еще работаете советником по фермерским хозяйствам. С какими трудностями сталкиваются фермеры?

Айлин Самая большая сложность состоит в необходимости заполнения отчетных документов. Многие фермеры — пожилые люди, и для них исключительно сложно упомянуть все необходимые требования правил и законов. Если один из партнеров в хозяйстве заболевает, часть отчетности просто не заполняется. Как только ты попадаешь в эту ситуацию, нагнать отставание по ведению отчетности уже очень тяжело. Совсем недавно был случай, когда у пожилой пары все стадо прошло тестирование на туберкулез, животных надо было проклеить, выдать всем коровам паспорт. К тому же, часть поголовья за последние полтора года вовсе не была зарегистрирована по британской программе перемещения крупнорогатого скота. А значит, они уже не могли продавать животных, следовательно, у них было больше коров, чем нужно в хозяйстве. Моя роль состоит в том, чтобы быть связующим звеном между различными организациями, оказывающими поддержку

фермерам, чтобы помогать подобным хозяйствам решать и облегчать проблемы, с которыми они сталкиваются.

Ведущий Не только же отчетность составляет проблемы фермеров?

Айлин Да, конечно. Большую угрозу представляет туберкулез, и уже столь многие фермы буквально остановили свою работу: они не могут продавать и даже покупать скот из-за ограничений по этому заболеванию. Очень тяжело даже просто наблюдать за теми психологическими и эмоциональными последствиями, которые вспышки болезни оказывают на фермеров. Один человек однажды попросил меня приехать, просто чтобы быть рядом с ним, поддержать его в трудную минуту. В его хозяйстве большое количество коров дали позитивную реакцию на туберкулез. В результате службы были вынуждены пристрелить 28 голов. Жена фермера и его сын не выдержали эту сцену и просто ушли в дом, а я осталась рядом с ним в то время, как на его глазах отстреливали коров. Такие сцены не многим приходится увидеть. Это эмоциональная составляющая фермерской жизни, с которой людям приходится сталкиваться. И время сейчас в этом смысле очень тяжелое.

Ведущий Как вы находите в себе силы помогать фермерам в этих сложных ситуациях?

Айлин Прежде всего, надо понимать, что это очень тяжело для фермеров. Перед приездом на любую ферму я незаметно молюсь. Бывает, остановлюсь на обочине и прошу Бога дать мне силы и любви, которую я бы могла предложить фермеру, его семье, людям которые сталкиваются с подобными трудностями. Как только я уезжаю с фермы, я останавливаюсь в каком-то тихом месте, чтобы иметь возможность поделиться увиденным с Богом в молитве. Если ты слушаешь вни-

мательно, то всегда получишь нужный ответ от Бога, который может укрепить тебя и поддержать твое присутствие рядом с фермерами.

Ведущий Что главное в вашем служении фермерам?

Айлин Быть рядом с ними и слушать — главная составляющая моей роли. Это даже важнее, чем говорить что-то. Я хорошо помню одного фермера — имя его я вам не скажу, конечно, из-за того, что вся работа, которую я делаю проходит в полной конфиденциальности, — который позвонил мне однажды в 2007-м. Я никогда не забуду его, потому что он страдал от жуткой депрессии. Его ферма находилась в запрете из-за туберкулеза на протяжении пяти лет. И вот, наконец, он провел необходимые тесты, и ему разрешили провести сокращение поголовья. В тот день, когда его животные уже должны были покинуть ферму, накануне ночью разразилась другая эпидемия по всей Британии — ящура, поэтому все фермы оказались автоматически под запретом. Жена этого бедолаги сначала обратилась в Союз кризисного фермерства (христианская организация, которая работает в помощь фермерам), и звонок этот перенаправили на меня. Я очень хорошо помню, как многие недели спустя после этого перового обращения я каждый Божий день просто говорила с этим фермером по телефону, потому что я не могла приехать к нему. Дело в том, что наша ферма тоже была под запретом, как и любая другая ферма в стране, и фермеры не могли перемещаться между различными хозяйствами из-за опасений дальнейшего распространения болезни. Поэтому я просто слушала этого фермера по три часа каждый день на протяжении трех недель. Уже после того, как ограничения были сняты, и он все-таки смог продать часть своего стада для сокращения поголовья, постепенно наши звонки стали менее частыми, и мне кажется, ему самому стало проще ориентироваться в том, как можно строить свою жизнь дальше. Пони-

маете, еще в середине осени он спрашивал меня, что ему делать дальше, как жить. Он ничем в своей жизни, кроме фермерства, не занимался, ему было уже за пятьдесят, и он рассматривал возможность ухода из фермерства. Но где ему работать? Кто бы его взял на работу в этом возрасте и к тому же, с полным отсутствием трудового опыта, помимо фермерства? Накануне Рождества 2007-го я получила звонок от него, и он сказал мне «спасибо». Вы знаете, это величайший рождественский подарок, который я когда-либо получала. На что я ответила ему, что я же ничего не сделала, я даже до сегодняшнего дня ни разу не встречалась с этим человеком, я просто была на другой стороне телефонного провода. И он все же сказал, «спасибо, я все еще жив». Ничего лучше на Рождество я уже никогда уже не получу.

Ведущий С другой стороны, кто-то может сказать, что ваша работа в этих организациях — скорее такой почетный труд прославленного социального работника. Но дело ли это для приходского священника?

Айлин Очень сильно не соглашусь с этим. У нас есть возможность и привилегия трудиться в Христовой любви, и если мы не являем эту любовь всем, кто находится в наших сельских приходах, то чем же мы тогда занимаемся? Я такой священник, который искренне верит, что дверь храма должна быть открыта 7 дней в неделю 24 часа. Я также считаю, что мой телефон всегда должен быть доступен, кому бы я ни понадобилась во любое время дня и ночи. Если я сама не могу показать эту любовь, то кто же тогда может? И работа эта конечно вовсе не носит оттенок личного прославления. Нам выпала настоящая честь и привилегия работать бок о бок с фермерами и всегда быть доступными для них.

Ведущий У вас один сын, который теперь работает с вами. Какое будущее его ждет?

Айлин Он только что закончил школу, и результаты экзаменов мы узнаем в конце августа. Пока он говорит, что хочет продолжить обучение. Мы с мужем объясняем ему, что он должен рассмотреть все возможные варианты развития своей жизни, пока такая возможность есть, он может заняться развитием своего образования. Сейчас он собирается поступить в сельскохозяйственный колледж, но до этого ему еще стоит крепко подумать, готов ли он связать свою жизнь с фермой, потому что здесь у него времени для этого уже не будет. Важно, чтобы он еще до прихода на ферму рассмотрел самые разные возможности и решил для себя, чем бы хотел заниматься сам. Самый важный совет, который мы даем ему как родители, — а я не даю ему советы как священник — что он должен уметь делать то, чем хочет заниматься сам, он должен уметь получать радость от жизни, ведь это так важно в этом мире.

Ведущий Думаете есть будущее у вашего сына на этой ферме?

Айлин О да, самое светлое будущее, потому что сельскому сообществу свойственны дух единения и взаимной поддержки. Мы вместе делаем все, чтобы в будущем нормальная жизнь деревни продолжалась. И я знаю это не понаслышке, я ощущаю это в своем служении и на тех примерах, которые я каждый день вижу в нашей обычной жизни.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

ЕВАНГЕЛИЕ

Притча о неверном управителе

Лекция архимандрита Ианнуария Ивлиева

Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём

роде. (Лк 16,1–8)

Эта притча о неверном управляющем не имеет параллелей в других Евангелиях. Она относится к особому материалу евангелиста Луки. Во все времена она была трудной для истолкования. Необычна она тем, что предлагает нам удивительный парадокс: притча хвалит мошенника, нечестного человека, хвалит его как образец благочестия. Еще труднее объяснить продолжение этой притчи в стихе Лк 16,9: «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители». Какой странный вывод! Воруйте, мошенничайте — и будете «приняты в вечные обители». Однако, сосредоточим наше внимание на самой притче.

Предыдущие притчи 15-й главы (о заблудших, потерянных и найденных) говорили о покаянии, об обращении. По мнению большинства исследователей, притча о неверном управляющем, открывающая 16-ю главу, носит эсхатологический характер. Она говорит о разумном использовании человеком времени его жизни, прежде чем катастрофа, сопровождающая ее конец, — будь то общий «конец света», будь то смерть как индивидуальный конец, — не сделает невозможным никакое действие, никакое покаяние, ибо будет уже поздно. Но пройдемся по притче стих за стихом.

Стих 1: «Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его».

Обращает на себя внимание то, что, если предыдущие притчи были обращены к фарисеям и книжникам, то эта притча направлена ученикам. На управляющего одного богатого человека поступил донос, что он расточает имение своего господина. Попутно интересно обратить внимание на глагол «доносить, обвинять», по-гречески «диабалло», от

которого происходит существительное, диавол. У нас это слово обычно переводится «клеветник», но при этом мало кто знает, что изначальный смысл слова «диавол» — обвинитель, прокурор (вспомним его роль в книге Иова). Итак, управляющий был обвинен в воровстве. Мы не знаем точно, справедливы или нет были обвинения. Может быть, управитель и в самом деле был оклеветан. В притче ведь ничего об этом не говорится. Но это и не важно для истории. Важно лишь то, что управитель теряет доверие своего хозяина, и это может стоить ему потери теплого места и средств существования. Впрочем, дальнейшее показывает, что управляющий чувствовал себя виновным.

Стих 2: «и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять».

Господин, хотя и удивлен обвинению, но верит ему и приказывает управителю дать отчет об управлении хозяйством (бухгалтерские книги, счета, расписки). По-видимому, это нужно для передачи дел. При этом господин не дает управителю ни времени, ни возможности оправдаться, как это было бы в нормальном случае.

Стих 3: «Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь».

Этот разговор управителя с самим собой показывает, что он вовсе не собирается себя оправдывать и не помышляет упрашивать своего господина, но пребывает в смятении перед ожидающим его будущим и думает только о том, как бы обеспечить себе безбедное существование. Перед ним открывается два возможных пути: тяжелый труд на земле и попрошайничество ему по разным причинам не годятся. Это «копать не могу», кажется, цитата из комедии древнегреческого комедиографа Аристофана «Птицы», где эти слова произносит Удод. А «просить

стыжусь» намекает на традицию, отраженную в Книге Иисуса сына Сирахова: «Сын мой! Не живи жизнью нищенскою: лучше мне умереть, нежели просить милостыни» (Сир 40,29).

Стих 4: «знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом».

Управитель понимает, что час его пробил, и внезапно его осенила блестящая идея, спасительная мысль обеспечить себе будущее. Но как? Новым воровством, за счет своего бывшего хозяина. И вот он решает найти себе друзей, гостеприимство которых теперь надо завоевать. Таких друзей он находит среди должников своего господина, предложив им подделать расписки, то есть стать такими же мошенниками, как он сам. Теперь он сможет по надобности их шантажировать. О подделке документов, о коррупции — следующие стихи.

Стих 5: «И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему?».

Итак, бывший управитель решается на мошенничество. Он одного за другим вызывает должников своего господина. С каждым из них он говорит наедине («порознь»), так как подобные жульнические дела делаются без свидетелей. Эти должники, вероятно, были оптовыми торговцами, которые получали товары в кредит под расписку. Вопрос о величине долга чисто риторический, так как расписки находятся в руках управляющего. Скорее всего, это литературный прием для оживления рассказа.

Стих 6: «Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят».

Долг первого — сто мер, или, как в оригинале, сто бат масла. Бат — мера жидкости. Один бат равен примерно 36,5 литра. Было подсчитано, что 100 бат — годовой урожай примерно 150 масличных

деревьев. Это очень много, целая роща маслин. И вот должник пишет новую расписку, которая теперь будет предъявлена господину. Ему дана скидка в 50%. То есть хозяин теперь обворован на очень большую сумму.

Стих 7: «Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят».

Во втором случае речь идет о 100 мерах (в оригинале «корах») пшеницы. Кор — мера сыпучих тел. Один кор равен примерно 5,5 центнеров зерна. То есть 100 кор — и это тоже было подсчитано — составляет урожай 42 гектаров пашни. Этому должнику прощается 20% долга. Конечно, подробности не важны. Главное во всем этом то, что утопающий человек предпринимает ради своего спасения последовательные и целеустремленные действия. Слушатели должны понять, что ввиду предстоящего Суда Божия они должны, не отлагая, поступать разумно и решительно. Сам рассказ внезапно обрывается и о том, что же конкретно следует предпринимать, ничего не сообщает.

Далее говорится о похвале расчетливого и спасительного для него поведения нечестного управляющего. Трудность — в звучании этой похвалы, которую Синодальный перевод (как и множество других переводов) вкладывает в уста «господина», то есть обманутого хозяина:

Стих 8: «И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде».

Это вызывает наше недоумение. Как?! ограбленный хозяин хвалит того, кто его ограбил?! Даже если бы странная похвала господина касалась не факта его ограбления, а только хитрости домоправителя, то против такого истолкования говорило бы то обстоятельство, что обман

должен был остаться нераскрытым. Господин не должен был ничего знать о нем, иначе о какой хитрости, о какой догадливости могла бы идти речь!? Если бы господин узнал об обмане, он просто подверг бы своего нечестного слугу суду и наказанию. Суду и наказанию подверглись бы также и подделавшие документы должники богача. Возможно, они лишились бы собственного имущества, так что вряд ли они после этого могли бы принять хитрого управляющего в свои дома. И его «догадливость» никого не привела бы ни к чему хорошему. Хвалить его было бы не за что. Короче говоря, слово «господин» не подходит, и все экзегеты согласны с тем, что похвалил хитрого управляющего не его господин, а Господь, то есть Иисус Христос. Именно так мы и читаем в церковно-славянском переводе: «И похвали господь дому строителя неправедного, яко мудре сотвори». Это можно считать доказанным. Но и в этом случае следует объяснить, почему Господь похвалил неверного управителя. За что похвала? За то, что он «мудре сотвори», в оригинале: «разумно поступил».

Мы, конечно, понимаем, что Господь хвалит мошенника не за его нечестность, а за его находчивость, догадливость. Господь призывает к разумному поведению ввиду неизбежного конца! Не колеблясь, Иисус Христос использует будничную историю, которая разыгрывается в среде далеких от благочестия «сынов века сего». Это те люди, помышлениями и поведением которых руководит дух «века сего», т.е. мира, находящегося под властью сатаны (Лк 4,6; Ин 12,31; 2 Кор 4,4). Эти люди преследуют только мирские цели. Выражение «в своем роде» (буквально «в род свой») можно понимать как «на свой лад, по-своему», но можно понимать и как «в отношениях с подобными себе, среди своих». То есть, так или иначе, «сыны века сего» в некотором смысле превосходят «сынов света», разумнее их. «Сынами света» именовали

себя считавшие себя праведными иудеи, например, члены кумранской общины. Так именовали себя и первые христиане: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин 12,36; ср. Еф 5,8; 1 Фесс 5,5). И вот эти «сыны света», то есть руководимые Божественным светом, должны брать пример с «сынов века сего», хотя задача, стоящая перед ними, неизмеримо выше, труднее и требующая большей жертвенности, чем своекорыстная задача мирского человека. И, читая притчу о неверном домоправителе, мы должны помнить, что по-настоящему разумным человеком можно назвать только того, кто подобен осмотрительному, ожидающему возвращения своего господина домоправителю, о котором мы читали в 12-й главе Евангелия от Луки (Лк 12,42–44).

Завершить же редакции эту замечательную лекцию отца Ианнуария хотелось бы словами другого проповедника, отца Александра Меня, который точно выражает особенность этого евангельского повествования в нескольких точных фразах:

И, рассказав эту немножко смешную историю, Христос сказал: посмотрите, как люди стремятся всеми силами выйти из трудного житейского положения! Они изобретают все что хочешь, даже вот такую штуку. А сыны Царствия, то есть мы, когда речь идет о нашей духовной жизни, о том, что будет с нами в вечности, — мы спим, мы откладываем на потом. Христос нам ставит этого управителя в пример не для того, чтобы мы поступали так, как он, а для того, чтобы мы понимали, что и у нас есть Господин, которому мы должны дать отчет. И чтобы мы приложили все усилия, чтобы предстать перед Ним достойным образом.

АПОСТОЛ

Апостольское чтение на Преображение

Проповедь архимандрита Ианнуария Ивлиева

Поэтому, братья, приложите еще больше стараний, чтобы оправдать ваше избрание и призвание. Так поступая, вы никогда не собоетесь с пути в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, где вам будет устроена богатая встреча.

Вот почему я готов всегда напоминать вам об этом, хотя вы все это уже знаете, и утвердились в той истине, которая пребывает у вас. Но пока я живу в этой палатке, считаю своим долгом постоянно будить вас напоминаниями, зная, что мне скоро предстоит сбросить с себя мою палатку, как открыл мне и Господь наш Иисус Христос. Но я постараюсь, чтобы вы могли в любое время все это вспоминать и после моего исхода.

Мы ведь не чьи-то хитроумные сказки повторяли, когда поведали вам о силе и пришествии Господа нашего Иисуса Христа: мы сами были созерцателями Его величия. Ибо честь и славу Он принял от Бога Отца, когда раздался голос от Величественной

Славы, так Ему провозгласивший: «Вот Он — Сын Мой, возлюбленный Мой. Я благоволю к Нему». И этот голос, раздавшийся с небес, мы слышали, когда были с Ним на святой горе.

И подтвердилась наша вера пророческому слову. И вы хорошо делаете, держась его как светильника, который светит во мраке, пока День не озарит вас и Утренняя звезда не взойдет в сердцах ваших. (2 Пет., русский перевод архимандрита Ианнуария)

Преображение Господа Иисуса Христа в Апостольских посланиях упоминается только во Втором послании Апостола Петра, которое по этой причине и предлагается в этот день для прочтения за праздничной литургией. Однако само это послание посвящено другой теме: его цель — напомнить христианам о непреложности Второго пришествия Иисуса Христа. Каким же образом тема Второго пришествия связана с темой Фаворского Преображения? Случайна ли эта связь, или имеет под собой глубокие основания? Попытаемся кратко прояснить этот вопрос.

Призывая своих читателей подниматься по ступеням христианских добродетелей веры, рассудительности, воздержания, терпения, благочестия, братолюбия и любви (1,5-7), Апостол пишет о цели этого пути наверх, о входе в вечное Царство Господа и Спасителя Иисуса Христа (1,11). Этот «богато обеспеченный вход» (так буквально) напоминает о триумфальной встрече победителя, который на пути к победе преодолел все трудности и препятствия.

Проявляя пастырскую заботу, Апостол Петр считает необходимым постоянно напоминать братьям об основах христианской веры и поведения. Эти напоминания особенно нужны в связи с тем, что Апостол предвидит свой скорый «исход» из этого мира в мир иной

(1,15). Это слово приводит на память спасительное событие исхода народа Божия из Египта. Земная жизнь при этом сравнивается с временным пребыванием в походной палатке («скинии» по-гречески). Это напоминает нам о странствии Израиля в пустыне, о жизни в шатрах на пути в землю обетованную. Все мы знаем, что мы временные жильцы в этом мире, и что наша жизнь здесь — путь в мир вечный. Да, наше земное тело, этот «скудельный сосуд» — походная палатка, которую каждому из нас предстоит с себя сбросить, как ветхую одежду. Апостол Петр смотрит на смерть не как на конец, а как на исход в обетованную новую землю Божию. О своей близящейся кончине он не только знает сам, но и получил о ней откровение от Господа Иисуса Христа. Апостол заверяет, что он приложит все усилия, чтобы христиане и после его смерти помнили все, о чем он благовествовал при жизни (1,15). Возможно, здесь он имеет в виду воспоминания, которые он оставил своему помощнику Марку. Эти воспоминания, согласно преданию, и легли в основу Евангелия от Марка, которое в древности иногда называли «Евангелием Петра».

Переходя к основной цели своего послания, к откровению о Втором Христовом пришествии, в котором многие начали сомневаться и даже отрицать таковое, Апостол обосновывает свое право учить о Парусии тем, что он, как и двое других учеников Господа, был удостоен видеть Преображение Иисуса Христа. При этом вместо привычных слов «очевидцы» или «свидетели» употребляется торжественное «созерцатели» (1,16). Так античные греки называли людей, достигших высшей ступени посвящения в таинства страданий, смерти и воскресения какого-нибудь бога.

Обычно событие Преображения понимается как предвосхищение прославления Иисуса Христа в Его Воскресении. Но Апостол

Петр понимает Преображение как предвкушение торжествующей славы Второго пришествия. Почему так? При внимательном чтении Евангелий мы замечаем, что действительно: все три рассказа о Преображении в синоптических Евангелиях следуют непосредственно за пророчеством Иисуса Христа о Своем Втором пришествии: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16:28). Эти слова Господа направляют наше внимание на пророчество Даниила о Сыне Человеческом. «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится» (Дан. 7:13-14). Детали этого пророчества и воспроизведены в рассказе о Преображении: осеняющее Иисуса Христа светлое облако, голос Бога Отца, который раздается из облака, многозначительные слова, которые наделяют Иисуса Христа честью, властью и славой.

Вслушиваясь в краткое сообщение Апостола Петра о Преображении, мы вступаем в сферу высокого богословия. В нем в полной мере проявляется характерное свойство новозаветных писаний — их символизм, их, так сказать, «иконописность». Но этот символизм становится понятным только при внимательном исследовании буквы текста. Проследим некоторые символы, которые используют в этом рассказе Евангелисты и Апостол Петр. С небес, из облака, или, как пишет Петр, «от Величественной Славы», звучит Божественный голос. Но ведь сам факт, что с небес раздался голос Творца, древнему читателю, знакомому с богословскими представлениями иудеев I

века, говорил о многом. Дело в том, что в те времена существовало убеждение, что с уходом последнего из библейских пророков, небеса будут молчать до времени пришествия Мессии. И вот... небеса заговорили: Мессия пришел! Это — первое свидетельство рассказа о мессианстве Иисуса. Попутно отметим, что о «Величественной Славе» вместо облака Апостол Петр пишет из благоговения перед Именем Божиим, которое не произносилось, но заменялось подобными возвышенными обозначениями. Само же облако — тоже замечательный библейский символ славы, силы, присутствия и помощи Божией.

Следующие доказательства того, что Иисус — обещанный Богом Мессия, — в содержании сказанного небесным гласом. Тому, кто знает Библию Ветхого Завета, слова небесного голоса говорят многое. Так, провозглашение Иисуса Сыном Божиим — напоминание о Втором псалме Давида: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой» (Пс. 2:7). А псалом этот издавна считался мессианским. Слова о благоволении Бога к Его Сыну — напоминание об Отроке Божиим, о Котором у пророка Исаии сказано: «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя» (Ис. 42:1). Но ведь об этом Отроке далее говорится, что «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:5). Иначе говоря, Сын Божий, Божественный Мессия послан спасти мир не своими воинственными победами над грешниками, но послан Своими страданиями и смертью искупить и спасти всех людей, в том числе всех грешников. Наконец, когда Иисус называется Сыном возлюбленным, то это — напоминание о жертвоприношении Авраама. Только в этой истории в греческой Библии возникает выражение

«сын возлюбленный» (Быт. 22:2.12.16-17). «Возлюбленный сын» — Исаак, приносимый в жертву сын! Такова была и участь истинного Мессии — Иисуса. Удивительно! В столь кратких словах, на одной строке текста уместилось целое богословие спасения.

Завершается апостольское чтение заверением в истинности пророческих слов Писания о грядущем в славе и силе Сыне Человеческом. Это произойдет, когда рассеется мрак века сего и настанет светлый День Второго пришествия Того, Кто взойдет как Утренняя звезда, согласно древнему пророчеству: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля» (Числ 24,17). Радостным предвестием этого грядущего Дня Господа и является день Его славного Преображения.

ПОЛЕМИКА

ПРОЩЕНИЕ

Беседа на радио Би-би-си Уэльс

«Нет ничего, что нельзя простить, и нет никого, недостойного прощения», — так заявляет лауреат нобелевской премии архиепископ Десмонд Туту в новой книге, которую он написал вместе со своей дочерью преподобной Мпо Туту. Конечно, это красивое высказывание, но так ли это на самом деле? Все ли заслуживают прощения вне зависимости от масштаба совершенного зла и количества невинно пострадавших? Что если я не могу простить нечто ужасное, случившееся со мной или членом моей семьи? Может ли трансформация моих отношений с совершенным злом помочь другим людям? Ведущий — Рой Дженкинс, среди гостей — Мпо Туту, и двое родителей, которые очень по-разному отреагировали на потерю своих детей в результате убийства. Следователь Стивен Оук был убит в ходе антитеррористической операции в Манчестере одиннадцать лет назад. Его отец Робин, бывший старший констебль сказал на пресс-конференции, которая последовала вскоре после траги-

ческих событий, что он простил убийцу. Дженнифер Николсон погибла во время взрыва в лондонском метро в 2005-м. Ее мать преподобная Джули Николсон оставила служение приходского священника в Бристоле, потому что поняла, что не может простить убийц своей дочери.

Ведущий Что вообще такое прощение для вас лично?

Мпо Туту Я дам вам рабочее определение. Прощение есть отказ от какого-либо возмещения со стороны человека, который навредил вам или ранил вас. Прощение — это возможность возрасти до такой степени, что вы больше не желаете этому человеку вреда, а возможно даже, желаете ему блага.

Робин Оук Согласен с таким определением. Я просто скажу об этом так: когда я прощаю, у меня не остается ничего против того человека, который совершил зло. Я на личном примере осознал слова Господа Иисуса Христа, «любите врагов ваших». Невозможно любить врага — я его в любом случае не могу любить земной любовью, это все приходит через Божественную любовь, — если я его не простил. В общем, в прощении не остается места никакой мстительности.

Джули Николсон В конце концов я пришла к тому, что вера совсем мне не помогла в обретении прощения, ведь она не дает никакого определения самой концепции прощения. Под прощение попадают вещи слишком уж разного порядка: от шалости на детской площадке до массового геноцида. Поэтому сам по себе термин «прощение» очень проблематичен.

Важнейшей частью процесса прощения для меня является установление каких-то отношений с совершенным злом. В моем же случае это попросту не было возможно, потому что преступник убил себя в

процессе убийства других людей.

Теперь возвращаясь к вашему вопросу. Очень часто мне кажется, что прощение путают с улаживанием дел, примирением. Я вполне согласна с необходимостью примирения, но я вовсе не уверена, что это то же самое, что прощение, или что примирение неизбежно ведет к прощению.

Ведущий По словам К.С. Льюиса, «прощение — это прекрасная идея до тех пор, пока вам не приходится что-то прощать». Насколько вообще тяжело простить на практике?

Робин Очень тяжело, я считаю. Буквально на следующий день после убийства Стива — хотя я еще находился в другом городе в то время, как мой сын лежал в морге в Манчестере — до меня добрались журналисты, чтобы узнать, как себя чувствует отец убитого. На пресс-конференции мне задали вопрос: «Что вы думаете о человеке, который убил вашего сына?». Я совсем не был готов к этому вопросу, но помолился в течение буквально десяти секунд о своем ответе и сказал, что я не знаю всех обстоятельств, я не знаю убийцу, но я действительно прощаю его и молюсь, чтобы Бог простил его. И хотя я произнес эти слова, потом я задумался, а правда ли я в это верю. Что подумает моя жена о том, что я сказал, что подумает жена моего сына или внуки? Я дошел до сути вопроса, взяв слова из самого центра молитвы «Отче наш»: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Позже я осознал, что прощение от Господа непропорционально больше того прощения, которое готов предоставить я. Простить было трудно, но я нашел этот опыт исцеляющим.

Ведущий Вы говорите, что это было сложно, но кто-то может сказать, что это было слишком просто, потому что в тот момент вы еще не знали всех подробностей убийства, вы не знали, с какими чувствами

столкнетесь.

Робин Мне так действительно говорили. Коллеги спрашивали, как вообще руководитель полиции может простить террориста. Но понимаете, это не вопрос того, что я не хочу установления справедливости, которую следует восстановить в любом случае. Мы были вовлечены в судебный процесс по этому делу и на протяжении двух с половиной месяцев фактически рука об руку находились с человеком, которого в итоге признали виновным. Однако, открытие, которое совершила моя семья — я исключительно горжусь своей женой, женой моего сына, и внуками, которые согласились с тем, что я сказал, — что прощение является целительным. Прощение исправляет и ситуацию, и самих людей, которые готовы простить.

Ведущий Джули, по вашим словам, вы осознали, что не можете простить того, кто совершил убийство. Вы вообще хотели простить этих людей?

Джули Как и Робину, мне задали этот вопрос во время интервью, но оставили его на самый конец, поэтому я совсем не была готова к нему. Я вообще не думала о прощении в тот момент, это было за пределами моих мыслей, поэтому я ответила абсолютно инстинктивно и сказала «нет». Когда я немного отошла, то стала размышлять о сказанном: правда ли я верю в то, что не готова простить? И нечто в глубине меня подсказывало, что это абсолютно нормальное состояние.

Часть моего примирения с этой ситуацией состоит в том, что надо принимать адекватные решения в подобных ситуациях. Кто я такая, чтобы прощать? Я прощаю от своего имени, или я могу простить от имени своей дочери? Я поняла — и почувствовала это очень остро, — что я действительно имею право произнести слова отказа от прощения. Если бы какой-то религиозный лидер подошел ко мне и сказал,

ну послушайте, для поддержания добрых отношений, для исправления ситуации и достижения прогресса в решении проблемы терроризма в нашей стране, для исцеления общества, крайне было бы полезно, если бы вы могли сказать, что можете простить. Я знаю, что смогла бы произнести эти слова, но я также понимаю, что никогда бы не смогла поверить в их искренность в глубине души. Поэтому я приняла решение, что необходимо отложить эту проблему прощения в сторону, чтобы по-настоящему исцелиться и начать свою жизнь заново.

Ведущий Это было непросто, пришлось ли вам сопротивляться своей решимости в этом вопросе?

Джули Мне вовсе не пришлось сопротивляться этому решению. Напротив, мои знакомые стали сопротивляться моей твердости. Я же ни разу не усомнилась, что поступила правильно. Понимаете, я смогла отложить прощение в сторону и начать жизнь заново, храня память о своей дочери, что стало важнейшим аспектом моей жизни. И главное, я смогла поставить ее смерть в контекст своей жизни и своей общественной позиции. Теперь я не должна проживать каждый день, сражаясь с необходимостью достичь прощения.

Несколько лет назад я делала документальную передачу для Би-би-си и познакомилась с семьей, которая лишилась единственного сына в результате противостояний в Северной Ирландии. После его похорон родители заявили, что они простили убийцу. Когда я встрети-лась с ними двенадцать лет спустя, они все еще каждый день стояли на коленях перед распятием, испрашивая для себя эту возможность для прощения. Понимаете, они совсем не чувствовали себя примиренными. Я подумала тогда, что не хочу находиться в таком же состоянии: какой груз они тащат на себе... хотя могли бы просто избавиться от него. Вы знаете, греки говорили в подобных случаях, что надо «выдохнуть». Вот

и мне очень близко это понятие «выдыхания», как и в древнегреческой традиции, как будто ты выбрасываешь что-то из себя.

Ведущий Мпо, каково было вам, когда в вашем собственном доме был убит близкий человек? (трагическая история с убийством домохозяйки, близкого друга семьи во время ограбления)

Мпо У меня не было особых сомнений на счет прощения, и все вокруг меня поддерживали, на этих людей я могла опереться. Мои близкие щедро предоставили мне возможность снова и снова рассказывать свою историю, чтобы преодолеть эту ситуацию в таком ритме, который я могла себе позволить. Мне нужно было разобраться в своей боли, которую мне пришлось пережить. Мне нужно было примириться с тем ужасом, теми кошмарами, эмоциональными или психологическими бурями, через которые прошла наша семья и которые пережили мои дети. Ведь это потеря не просто чего-то вещественного, а личности, человека — и это было мучительно больно.

Ведущий И все же вы смогли однажды простить человека, который совершил убийство.

Мпо В нашей книге мы пишем, что прощение — это 4-шаговый процесс, по которому ты движешься в том темпе, который под силу тебе. Никто не может сказать, что пора бы уже завязывать с первой фазой и переходить к следующей. Я хочу назвать эти четыре шага: необходимо прежде всего рассказать свою историю, затем — назвать и четко обозначить свою боль, а следом ты можешь предложить прощение; после чего перед тобой открываются новые возможности: ты по-настоящему можешь переоценить свое отношение к совершенному злу. Ты можешь посмотреть на произошедшую трагедию с новой платформы, отличной от той, что существовала до трагедии.

Ведущий Хорошо, но вот это утверждение, что нет ничего, что

нельзя бы было простить... Существуют ведь ужасное зло в этом мире, удивительная жестокость — неужели все сказанное можно отнести к любому подобному случаю, и ничто не находится за пределами прощения?

Мпо Я правда считаю, что все подвластно прощению. Я была свидетелем многих слушаний Комиссии правды и примирения (специальный суд в Южной Африке по вопросам апартеида). Важная часть в процессе прощения состоит в том, что каждый человек, который готов предложить прощение, мог бы рассказать свою историю в своих собственных словах.

Ведущий Джули, что вы думаете об этом 4-шаговом процессе и вообще о том, что человеку можно помочь простить?

Джули Насколько я понимаю эту процедуру... скажем так, есть обстоятельства, в которых такой подход приносит свои плоды в самых сложных ситуациях, где необходимо пройти через примирение, например, в конфликтах в Северной Ирландии и в Южной Африке. Однако, то, что я сейчас слышу, относится скорее к людям, которые могут позволить себе установить новые отношения с совершенным злом. Знаете, очень важно, что между жертвой и преступником вообще могут быть установлены какие-то новые отношения. В этом процессе должна существовать другая сторона, которую можно простить, иначе ты обречен делать все как будто бы теоритически. Причиненная боль или смерть должны как будто иметь оправдание и смысл для каких-то людей, которые виновны в этом зле. А ведь бывает что за трагедией вообще нет никакой концепции осознанной жертвы, и мне кажется, в моем случае так и было. Уверена, что если смерть моей дочери была бы частью более широкого конфликта, возможно, я бы сейчас была вовлечена в процесс примирения в широком общественном контексте.

Но для меня это самая обычная и непостижимая смерть в череде других смертей, тех случаев, когда родители совершенно бессмысленно теряют своего ребенка — не важно при каких обстоятельствах.

Мпо Следует сказать, что примирение со злом возможно, но не обязательно. Прощение и примирение — двоюродные братья, но это не одно и то же.

Робин Полностью согласен. Однажды я осознал, что сам был прощен — иначе я бы не был христианином, — просто потому что Господь так возлюбил мир и всех людей в этом мире. Дело ведь тут не в том, имеют ли все люди какие-то отношения с Богом или нет. Вне зависимости от этого Он позволил Своему Сыну умереть на кресте за всех людей. Сам Христос уже на кресте простил преступника, который был осужден за реальное преступление. Нам не стоит смешивать прощение и примирение. Я не примирен с человеком, который был признан виновным в убийстве моего сына, но я прощаю его. Только на прошлой неделе я говорил с одной семьей, которая потеряла свою дочь два года назад. Следствие еще не закончено, и ведутся следственные мероприятия, но они мне сказали: «Робин, мы поняли сегодня, что для нас существует только один путь — простить».

Ведущий Робин, но что если человеку не удастся простить? Может, он пытался много раз, но все же не получается. Что-то ужасное произошло с ним самим, с его семьей — да что угодно, и он просто не может простить. Как можно помочь в этом случае?

Робин Вот к слову, я был на конференции в Северной Ирландии, где выступал с речью по поводу прощения. Ко мне подошел военный офицер и сказал: «Как я могу простить? Послушай меня. Мой сын был убит, когда гулял со своей семьей, и я знаю человека, который убил его. Однако ситуация такова, что он не был осужден и не понес никакого

наказания. Как я могу просить его? Я вижу этого человека, когда просто иду в магазин». На что я смог только сказать, что убийце придется бороться со своей совестью. Однако по нашей вере, если ты хранишь в себе мстительность, не оставляешь место прощению или не можешь отпустить эту ситуацию, то зло разъест и разрушит твою душу. Поэтому я могу лишь умолять простить того человека.

Джули Вы часто связываете желание мстить с невозможностью прощения. Не думаю, что они так уж напрямую связаны между собой.

Робин Согласен, просто такая история из жизни...

Мпо Думаю, что прощение это процесс, который чем-то схож с процессом скорби. В каждый момент времени ты находишься только на той стадии этого процесса, на которой тебе по силам находиться на этом сложном пути. И текущая стадия этого процесса может быть даже такой, что ты признаешься себе, что не готов к прощению, тебе это не нужно и ты не собираешься прощать. Частично проблема состоит еще в том, что мы считаем прощение тем даром, который мы даем другому человеку. На самом деле, когда ты завершаешь процесс прощения, то понимаешь, что прощение — это дар, который мы даем сами себе.

Робин Верно. А вот слова Нельсона Манделы: «Прощение освобождает душу и избавляет от страха, вот почему прощение — столь мощное оружие». Он абсолютно прав, по крайней мере, если взять мою личную историю.

Или вот такой случай из церковной практики. Мой знакомый проносил проповедь в церкви, как вдруг один человек встал и попросил его остановиться: «Подождите, здесь мне нужно внести ясность. Есть человек, с которым мы не общаемся уже на протяжении двух или трех недель». Он встал со своего места, прошел через всю церковь и обнял прихожанина, о котором он только что говорил. И они оба заплакали.

Этот маленький шаг запустил как будто процесс обновления в этой небольшой церкви, потому что в таких закрытых сообществах всегда возникают сложные отношения, начался процесс примирения.

Ведущий Как помочь человеку, который не может простить, но со всей серьезностью относится к словам в Господней молитве о прощении? Предположим, человек во все это искреннее верит, хочет простить, но не может, и страдает из-за этого.

Мпо Думаю, проблема для христиан состоит в том, что христианское богословие прощения не слишком развито. Мы можем приучить людей к тому, что нужно прощать, но человек не может научиться прощать по учебнику. И поэтому все мы оказываемся в ситуации, когда не понимаем, что же делать дальше. Как мне пройти весь этот путь из моего нынешнего состояния в желаемое? Мы предлагаем для этого эти же самые четыре шага. А для этого очень важно понимать, что же такое прощение, а чем оно не является на самом деле. Но это, и правда, тяжело, очень тяжело.

Робин Да, тяжело. Но давайте посмотрим на вопрос прощения под углом Писания. Отличная притча о блудном сыне, которую лучше было бы назвать «милостивый отец». В ней явно говорится о прощении, и предложенные вами четыре шага к прощению отлично сочетаются с этой историей, особенно, если мы говорим о возобновлении отношений в конце этого процесса. Это для нас главный пример того, как можно прощать.

Джули Прощение в таком понимании всегда имело строгое обоснование в христианской вере. Однако для многих людей, с которыми я общалась, даже для людей, которые ходят в церковь и являются по-настоящему верующими, прощение перестает играть столь важную роль. Люди решают, что с них достаточно этой постоянной борьбы. Моя зна-

комая в детстве подверглась ужасному злу и проплакала многие годы, всю свою жизнь, прося о даровании прощения преступнику. Сейчас она уже пожилая женщина и пришла в такое состояние, в котором говорит, что просто больше не собирается переживать по этому поводу. Чтобы прожить остаток жизни в мире, она решила вообще отложить в сторону всю эту историю с прощением. Мне кажется, для моей знакомой такой путь дает большую свободу, чем постоянное пребывание в слезах с просьбами о достижении того, чего никто никогда так и не смог определить. При всем уважении к вашему личному опыту и проделанным исследованиям, прощение — абсолютно неопределяемая концепция. Вот почему мы снова и снова говорим об этом. Если бы существовала идеальная модель прощения, которая бы работала, мы бы давно уже ей пользовались.

Ведущий Вспоминаю слова одного кардинала, «пытаться молиться — это уже молитва». И может быть, в какой-то степени пытаться простить — это, на самом деле, часть процесса прощения? Это уже как бы прощение, даже если вы и не чувствуете прощения.

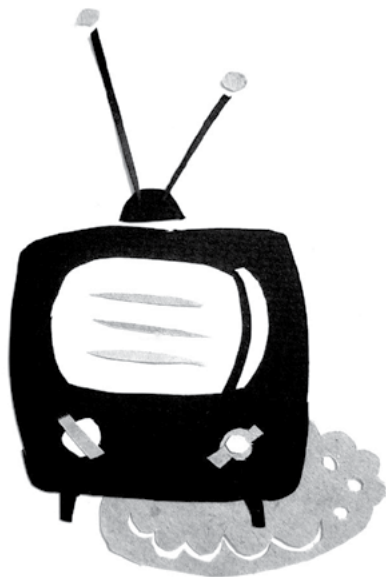
Джули Я хорошо знаю литературу и вообще чаще обращаюсь к художественным произведениям, чем к Библии, если честно. И хочу сказать, что корень слова «прощать» (в английском языке) — «давать». Поэтому в некотором смысле ты всегда в прощении отдаешь что-то. Даешь ли ты это себе или как дар преступнику — абсолютно неважно. Думаю, прощение как дар, как отдача работает и в ту, и в другую сторону. Но я уверена, что это понимание «отдавания» всегда находится в самом центре концепции прощения.

Ведущий Нам пора завершать, и у меня лишь один вопрос к каждому из вас. Что вы открыли для себя, общаясь с людьми, с которыми вы говорили о прощении и чьи истории вы слышали?

Джули Прощение — это привилегия, а не обязанность.

Мпо Прощение — это дар, который получает сам прощающий, и прощение действительно возможно.

Робин Несомненно, как человек, который и сам был прощен, и знает людей, которые были прощены — Богом и своей собственной семьей, — я могу сказать, что если вы обретете истинную любовь в своем сердце как дар от Бога, вы можете простить кого угодно.

МНЕНИЯ

НЕ 80 ПРОЦЕНТОВ

Михаил Грозовский

Сколько у нас православных, по статистике, процентов 80? Примерно столько же, по опросам, считают, что малазийский самолет над территорией, контролируемой повстанцами, сбили вооруженные силы Украины. Ага.

В недавнем споре «ВКонтакте» почему-то ни с того ни с сего ляпнул, что христианство это не массовая религия. Такое определение места христианства мне кажется наиболее точным. Да и наш священник-философ не раз в своих проповедях повторял, что христиане — это «соль земли», а соли много не бывает. По его же определению, давайте условно сойдемся на цифре 3–5%. Причем доля христиан на протяжении истории неизменна.

Бесспорно, верующих много больше. Где уж там «атеисты в окопах под огнем» — существуют полные самолеты верующих, когда на высоте десять тысяч метров начинается «болтанка». А вот практикующих христиан мало. Тут опять же тонкости определения: истинных христиан по призванию вообще мало — этого высокого звания мало кто даже

из церковных людей может удостоиться у Бога. Я говорю о простом земном пути, о христианах церковных. Вот, давайте для ясности так их и назовем — «церковные христиане». Этих самых церковных христиан 3–5%. Ну или, чтобы понимать масштабы явления: если переполненный поезд метро в час-пик — это все люди, то всем христианам хватит места, чтобы свободно занять скамейки в одном пустом вагоне в конце этого поезда.

Как становится легко от этой определенности! Почему мои друзья не ходят в церковь? Почему разговоры о Церкви с родителями и близкими заканчиваются полным фиаско? Почему детям это неинтересно? Почему на работе только и разговоров, что про отношения Украины и России, а про Христа говорить неприлично? Все в пределах нормы: только три или пять человек на сотню моих знакомых имеют отношение к Церкви. Да что там — среди читателей этой заметки наберется 3–5% церковных людей.

Все подтверждается путем проверки. Возьмите свой город или район и посчитайте, сколько людей приходит на воскресную службу — 3–5%. Опыт бесед, которые проходят в нашем храме перед крещением и венчанием, тоже не дает усомниться в этих оценках. Из потока прошедших обучение в основах веры укрепляются и остаются единицы. Остальные быстро отпадают сразу после таинства или не выдерживают обязательности бесед. Причем это нисколько не зависит от стиля и направленности душеполезных бесед, ведущих и модераторов... Суровый отбор христианской жизни проходят 3–5% участников.

Только вот что мне с этим знанием делать? Ну для начала даже пресловутые 3–5% — никакая не данность, за них еще нужно побороться. Тут все средства хороши: миссионерские литургии с пояснениями, ясная и воодушевленная проповедь после чтения Евангелия и Апостола

на литургии, откровенные и честные беседы о Христе для желающих крестить, креститься или обвенчаться.

Возможно ли что-то сделать за церковной оградой? Пожалуй, и нет, и да. Чего стоило бы избежать, так это миссии, направленной на 80% «христиан», под видом пропаганды массовых форм псевдодуховности и благочестия. Ну чему нас учит фильм «Остров» или популярная художественная литература православных издательств? Они противопоставляют жизнь земную и искусственно выдуманные формы святости, которые нам с вами не придется встретить за всю жизнь. Наш добрый верующий, вооружившись таким знанием, приходит в церковь, чтобы столкнуться там с явлениями несколько иного порядка. Бывает, что священники — далеко не монахи, живут нормальной семейной жизнью, получают деньги за свое служение, строят жилище, покупают машины, отдыхают, выпивают, ругаются, занимаются практическими делами и вообще одеваются в одежду. И это понимание земных реалий ой как часто вступает в конфликт с искусственным образом, ограниченным лишь фантазией авторов популярных псевдодуховных произведений. Разбивается, можно сказать, лодка веры о волны нормальной церковной жизни.

Что стоит добавить к этой практике, чтобы не вызывать искреннего удивления у верующих? А слабо в обычной жизни являть пример и образ жизни христианской? Жить обычной жизнью, простыми заботами и при этом показывать себя с лучшей, Божественной стороны. Говорить с людьми на обычном понятном языке, намекая на то, что ты такой же нормальный человек, а за пазухой у тебя что-то интересное для них есть. А значит, надо организовывать лекции и беседы с писателями, поэтами, художниками, публичными деятелями, ведущими, чтобы была постоянная «движуха», выходящая за пределы уютного здания церк-

ви. Приглашать музыкантов, организовывать концерты, фестивали. Устраивать открытые кинопоказы, прослушивания, спектакли, чтения. В общем, всем видом показывать, что ты нормальный человек, способный к общению, приятный и понятный при личной встрече, ну и при этом еще представляющий некую ценность за счет приглашения людей со стороны. Человек, являющийся органической частью современных явлений и течений, понимающий что-то в них.

Это непросто. Такая работа — скорее, призвание — требует годы самозабвенного труда, сотни вовлеченных людей и волонтеров, сбор и расходование средств, творческую мысль и терпение, любовь... С результатом — сложнее, так как его не взвесишь даже на точных аптечных весах. Ты просто как бы говоришь всем людям, которые видели и знали тебя, что с тобой можно общаться как с живым человеком, имеющим опыт нормальной христианской жизни. И 3–5% из них рано или поздно приходят в храм на беседу. Христианство в этом случае открывается как религия живого общения с простыми людьми в обычных жизненных ситуациях.

Сколько у нас православных, процента 3–5? Не по кельями ли они? «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» (Мф 5:13)

НОВОЕ И СТАРОЕ

Традиции и нововведения в Церкви

Архимандрит Вассилиос Папавассилиу

Недавно стал свидетелем спора христиан по поводу того, следует ли отказаться от поста в среду и пятницу на протяжении всего пасхального периода или только в течение одной недели сразу после Пасхи. Сторонник отмены постов утверждал, что это более древний обычай, и поэтому существующая церковная норма является нововведением. Знаю, что люди точно так же спорят по поводу рождественского поста, поскольку 40-дневный пост перед Рождеством стал нормой в церковной традиции очень поздно по православным стандартам, в середине XII века. Изначально нужно было соблюдать лишь одну неделю строгого поста.

Но я даже не стану вдаваться в детали развития практики постов и праздников Церкви. Нам важно знать только, что развитие это было всегда. Традиция есть то, что развивается и изменяется во времени. Мнение о том, что более поздняя практика является нововведением, всего лишь характеризует особенное понимание (скорее — недопо-

нимание) многих христиан о том, что же традицией является. Они так рассуждают, как будто существует точный момент в истории, через который можно провести разделительную линию между традицией Церкви и нововведениями. Проблема в том, что никто не знает, где находится эта точка разделения.

Православные часто думают, что чем старше обычай, тем лучше, хотя причины такого подхода неясны. Кто может сказать, насколько глубоко следует погрузиться в историю, чтобы отделить нововведение от традиции? Но это ведь важный вопрос. Насколько древним должен быть обычай, чтобы считаться частью традиции Церкви? Неужели седьмой вселенский собор менее традиционный, чем первый просто на основании того, что он проходил позже? Богословие св. Григория Паламы, жившего в XIV веке, менее православное, чем богословие св. Максима Исповедника, жившего в VII веке? Да конечно же, любой христианин скажет, что это не так! Так откуда же берется это увлечение древностью?

Естественно, не существует никакой точки раздела для церковной традиции, потому что Святой Дух пребывает в Церкви сейчас не меньше, чем в начале. Заявление о том, что более поздние обычаи являются инновациями, равносильно утверждению, что Святой Дух как бы ограничен рамками времени и пребывает только в глубокой древности. Изменения последнего века — такая же часть традиции, как и развитие церковной практики в IV веке.

Конечно, стоит признать, что не все изменения в Церкви хороши. На протяжении веков великие святые и богословы ставили под сомнение обычаи, которые многие считали традиционными, хотя они не были традиционными в принципе. Святые отцы среди прочего осуждали ставшую популярной практику редкого причащения, которая была

даже закреплена в канонах Церкви. Или вот, сложившаяся в последние века практика причастия и изменения в служении литургии не только стали отклонением от устоявшейся традиции, но и сильно ограничили участие верующих в литургии.

Поэтому многие предлагают вернуться к древним традициям, и я поддерживаю такую позицию, но только до определенной степени. Мне сложно найти общий язык с этим странным народом, литургистами, потому что они хотят восстановить древнюю традицию ради нее самой, просто из принципа — «чем древнее, тем лучше». Они как будто отказываются замечать, что мы больше не служим в имперских базиликах IV века и не проводим тайные службы в римских катакомбах I века. Служение не есть археология. Литургия не становится менее правильной или не полной, если она адаптируется к действительности. К примеру, я знаю, что многие выступают за сохранение возгласа на выдворение из церкви готовящихся ко крещению в завершении литургии оглашенных, но при этом они же выступают против того, чтобы люди на самом деле покидали службу. Однако, в чем смысл использовать старые литургические возгласы, которые в прошлом служили конкретной задаче, если современная действительность делает подобные требования бессмысленными?

Важно понимать, что древние обычаи не обязательно являются более «православными», чем новые. Святые Иоанн Кассиан и Иоанн Златоуст среди прочих выступали против причащения только один раз в год. Что же, получается, практика редкого причащения является традиционной для православия, потому что была преобладающим обычаем в древности? Не лучше ли вместо этого сказать, что мнение Кассиана и Златоуста по этому вопросу важнее, чем распространенная в их время практика.

Разница между традицией и нововведениями лежит не во временной плоскости. Обычаи или верования, которые присутствовали в Церкви с V века, но которые противоречат нашему богословию, не менее инновационны, чем обычаи, возникшие в XV веке. Похожим образом все то новое, что усиливает и делает наше богословие и жизнь богаче, можно быстро интегрировать в церковную традицию. Чин снятия Христа со креста на службе Великой пятницы возник лишь в XIX веке, так же, как и обычай передачи благодатного огня во время пасхальной службы, который раньше практиковался только в Иерусалиме. Но не вижу никаких причин, чтобы отказаться от этих обычаев, определив их к категории нововведений.

Боремся ли мы за восстановление древних обычаев или пытаемся привнести новые, мы должны быть уверены, что эти обычаи совместимы с православной верой и духовной практикой. Слишком часто мы позволяем своим собственным слабостям и недостаткам диктовать нам, что же считать подлинной традицией. Например, можно выступать в защиту отмены всех постов в пасхальный период, потому что это более древняя традиция, но скорее всего, истинная причина кроется в том, что мы не любим поститься.

С другой стороны, мы должны признать, что традиционность — это не то же самое, что консерватизм. Православные, кажется, до сих пор пребывают в заблуждении, что мы все еще живем в Византии. Иногда мы слишком уже озабочены тем, чтобы соответствовать своим собственным романтическим представлениям, а не нуждам реальных людей. Сохранение традиции не означает, что мы должны жить в прошлом. Чем раньше православные перестанут думать в категориях древности и старости обычаев, а станут относиться к церковному Преданию как к руководящему принципу принятия решений, тем проще нам будет

сохранить нашу традицию в добром и живом духе.

ИСТОРИЯ

Основные этапы и особенности коммунистических гонений на Православную Церковь в России

Глава из книги священника Георгия Митрофанова «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века»

Русская Православная Церковь в начале XX века по праву считалась не только крупнейшей в количественном отношении, но и ведущей в духовно-культурном отношении Поместной церковью православного мира. Осуществляя свое служение в одной из наиболее динамично развивавшихся стран мира, Русская Православная Церковь смогла сохранить свое значительное духовное и культурное влияние, несмотря на неизбежно сопровождавшую формирование индустриального общества секуляризацию общественного сознания народных масс, которая имела место в России. В начале XX века Россия стояла перед перспективой формирования в стране во многом уникального типа современной индустриальной цивилизации, ориентированной в своей духовной и культурной жизни на традиционные ценности Православной Церкви. Однако происшедшие в условиях кровопролитной Первой

мировой войны радикальные изменения в государственной жизни России ввергли страну в состояние перманентного политического хаоса и обусловили установление в России большевистской диктатуры. Уже в первые три месяца своего существования большевистский режим не только принял целую совокупность законодательных актов, призванных формально обосновать деятельность большевиков, направленную на уничтожение всех организованных и легальных форм церковной жизни в стране в течение ближайших нескольких лет, но и стал осуществлять такую реальную политику гонений на церковь, которая далеко выходила за рамки даже самих большевистских декретов. Впервые в ее истории перед Русской Православной Церковью предстала перспектива широкомасштабных гонений, которые, как показало будущее, оказались несопоставимыми с какими-либо гонениями на христиан в двухтысячелетней истории Церкви. И как это нередко имело место в христианской истории, Церковь ответила на эти гонения подвигом мученичества и исповедничества, впрочем, столь же несопоставимым по своим масштабам с аналогичным подвижничеством христиан предшествующих веков.

Первым Новомучеником Русской Православной церкви, растерзанным революционной чернью уже 31 октября 1917 года в Царском Селе, стал почти четверть века со смирением осуществлявший свое приходское служение многодетный протоиерей Иоанн Кочуров, который своей мученической смертью выразительно засвидетельствовал глубокий смысл слов св. апостола о силе Божией в немощи совершающейся. В то же время первым архиереем-мучеником суждено было стать одному из самых авторитетных епископов Русской Православной церкви, почетному председателю происходившего тогда Поместного Собора митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому), который

был расстрелян отрядом красногвардейцев 25 декабря 1918 года в Киеве. Эти мученические кончины не только ознаменовали собой начало первого этапа гонений, воздвигнутых большевистским режимом на Православную Церковь в России, но и содержали в себе характерные черты тех многочисленных и жестоких бессудных расправ большевиков над духовенством и активными мирянами, которые были характерны для гонений периода Гражданской войны. Действительно, до 8 тысяч представителей православного духовенства и монашества, уничтоженных во время Гражданской войны, погибали либо в результате спровоцированных большевистской политикой массовых убийств духовенства и активных мирян революционной чернью, либо в процессе проведения чекистами акций, направленных на физическое устранение ведущих представителей церковной иерархии, либо в связи с повсеместными расстрелами заложников, в числе которых значительную долю составляли священнослужители. Начинаясь в крупных городах церковные гонения по мере распространения на территории страны Гражданской войны охватывали провинцию, где они приобретали особенно жестокий и кровопролитный характер. Объявив в опубликованном уже 23 января 1918 года декрете «о свободе совести» о национализации всего церковного имущества и запретив любые формы церковной деятельности кроме богослужебной, большевистский режим усугубил свою призванную убить «тело» церковного народа репрессивную политику призванной убить и его «душу» кощунственной пропагандистской кампанией вскрытия мощей, развернувшейся в феврале 1919 года

Вполне определенно обозначив богоборческую сущность репрессивной политики большевиков в принятом 22 января 1918 года в качестве соборного постановления послании свт Патриарха Тихона с анафемой всем православным христианам, участвовавшим в церков-

ных гонениях и убийствах невинных людей, Русская Православная Церковь прежде всего в лице своего Первосвященника на протяжении всего периода Гражданской войны старалась вносить умиротворение в души охваченных смутой русских людей. Однако кровавые репрессии обрушивались в годы Гражданской войны практически на все категории русского православного народа независимо от политической позиции и особенностей церковно-общественной деятельности, которые были присущи тем или иным их представителям. Так, уже в июне 1918 года в Перми был расстрелян архиепископ Андроник (Никольский), который в знак протеста против большевистских гонений затворил пермские приходские храмы. А в феврале 1920 года в Омске был заживо распят и затем заколот раскаленным шомполом архиепископ Сильвестр (Ольшевский), возглавлявший Сибирское Временное Высшее Церковное Управление и оставшийся со своей паствой после захвата Омска большевиками. В то же время в Петрограде еще в январе 1918 года на территории Александро-Невской Лавры толпа революционных матросов и солдат расправилась с далеким от какой-либо политической деятельности протоиереем Петром Сипетровым. А в июле 1918 года в Петрограде был схвачен известный своим либерализмом и народолюбием протоиерей Философ Орнатский, который вскоре был расстрелян с двумя своими сыновьями — штабс-капитаном Борисом Орнатским и военным врачом Николаем Орнатским.

Начавшийся летом 1921 года в результате экономически разрушительной политики военного коммунизма широкомасштабный голод не только присовокупил к 13 миллионам погибших в результате Гражданской войны 5 миллионов умерших от голода, но и способствовал началу нового этапа церковных гонений. Несмотря на активное и разностороннее участие духовенства в помощи голодающим,

Русская Православная Церковь была обвинена в отказе употребить свои якобы несметные материальные ценности на борьбу с голодом и подверглась очередной серии массовых репрессий. Пытаясь дискредитировать Церковь своими обвинениям духовенства в отказе помогать голодающим и насаждая в церковной жизни обновленческий раскол, который выступал под знаменем примирения христианства и коммунизма, большевистский режим стремился придать своим гонениям в 1922–1923 годах видимость «революционной законности», сопровождая уничтожение священнослужителей инсценированными пропагандистскими процессами. Именно после наиболее громких из этих процессов, петроградского и московского, летом 1922 года были расстреляны митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), горячо любимый петроградской паствой, избравшей его в 1917 году на митрополичью кафедру, архимандрит Сергей (Шейн), миряне Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров, глубоко почитавшиеся православными москвичами протоиереи Александр Заозерский, Христофор Надеждин, Василий Соколов, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров. Уничтожив в ходе репрессий 1922–1923 годов от 6 до 7 тысяч представителей духовенства и монашества, большевистский режим впоследствии уже не пытался организовывать показательные процессы над священнослужителями. Ибо опыт процессов начала 1920-х годов убедил церковных гонителей в невозможности превратить мучеников Церкви в кающихся в политических грехах марионеток, подобных тем, которыми стали на политических процессах 1930-х годов партийные руководители, репрессированные Сталиным.

Значительные уступки в области церковно-государственных отношений, на которые пришлось пойти летом 1923 года св. Патриарху Тихону, и еще более значительные уступки в области кадровой поли-

тики церкви, на которые пошел летом 1927 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский), лишь на несколько лет ослабили церковные гонения. Однако уже в период 1928–1934 годов, по мере свертывания НЭПа и проведения политики коллективизации, церковные репрессии приобрели невиданный ранее по широте охвата характер. В этот период в дополнение к более чем 8 миллионам жертв коллективизации и во многом организованного государством голода начала 1930-х годов было репрессировано около 40 тысяч представителей духовенства и монашества, из которых расстреляно было не менее 5 тысяч, ликвидированы все монастыри, количество действующих храмов сократилось с 28,5 тысячи до 10 тысяч. Вынесение как индивидуальных, так и, в особенности, групповых расстрельных приговоров представителям духовенства и активных мирян происходило в этот период относительно редко. Впрочем, в Воронежской епархии именно летом 1930 года произошел групповой расстрел архимандрита Тихона (Кречетова), иеромонахов Георгия (Пожарава) и Космы (Вязникова), священников Иоанна Стеблин-Каменского, Сергея Гортинского, Феодора Яковлева, Александра Архангельского, Георгия Никитина и мирян Евфимия Гребенщикова и Петра Вязникова. Однако многие из подвижников Русской Православной Церкви, отправленные в этот период в тюрьмы, лагеря и ссылки, либо подобно архиепископу Воронежскому Петру (Звереву), архиепископу Вереysкому Иллариону (Троицкому) и епископу Глазовскому Виктору (Островидову) отошли ко Господу в местах заключения, либо подобно Патриаршему Местоблюстителю Агафангелу (Преображенскому) и знаменитому московскому пастырю и духовнику из Свято-Данилова монастыря архимандриту Георгию (Лаврову) скончались в результате тягот, перенесенных в недавно завершившемся заключении, либо подобно подавляющему

большинству новомучеников начали и чаще всего продолжили свой узнический путь на Русскую Голгофу, который должен был привести их к мученической кончине в конце 1930-х годов.

Тяжесть гонений этого периода времени усугублялась возникшим в Русской Православной Церкви разделением между сторонниками Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и противниками этой политики из числа преданных Церкви духовенства и мирян, объединившихся вокруг таких авторитетных архипастырей как, например, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых), которые находились в это время в заточении. Обличавшие митрополита Сергея в присвоении себе канонической полноты высшего церковного управления и рассматривавшие его политику как политику, направленную на порабощение Церкви богоборческим государством, церковные оппоненты митрополита Сергея разрывали каноническое общение с ним и возносили за богослужением имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), за что и получили наименование «непоминающих». Впрочем, строгая верность православному вероучению и сохранение канонического единства с полнотой Русской Православной Церкви через богослужебное поминовение имени митрополита Петра позволяли так называемым «непоминающим» оставаться верными пастырями и пасомыми Русской Православной церкви, существование которых в церковной жизни позволяло преодолевать крайности политики митрополита Сергея.

Очередной и самый кровопролитный этап церковных гонений в советской России, поставивший Русскую Православную Церковь на грань полного физического уничтожения, оказался связанным с периодом так называемого «большого террора» и продолжался с 1937 по 1941 год. За

это время, по данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации, было расстреляно 110 700 представителей православного духовенства. К 1941 году на территории СССР в границах до сентября 1939 года оставалось не более 150 действовавших храмов, не более 300 служивших представителей духовенства и четыре правящих архиерея. Среди десятков тысяч уничтоженных в этот период православных христиан находилось большинство канонизованных ныне Русской Православной Церковью новомучеников, которые многообразием своих личностных дарований и величием своих подвижнических деяний явили славу Русской Православной Церкви XX века прежде всего как Церкви мучеников.

Прослуживший основную часть своей жизни в качестве скромного синодального чиновника на поприще духовного образования Патриарший Местоблюститель св. митрополит Петр (Полянский) принял монашество и архиерейство в 58-летнем возрасте в 1920 году, сознательно обрекая себя на сораспятие с гонимой Русской Православной Церковью. Став ближайшим советником св. Патриарха Тихона, св. митрополит Петр мужественно разделил с ним бремя высшего церковного управления, неотделимого в то время от мученичества и исповедничества. Проведя последние 12 лет своей жизни в тяжелейших условиях тюрем и ссылок, св. митрополит Петр ни разу не попытался спасти свою жизнь и обрести свободу ценой недостойных компромиссов с богоборческой властью или же путем отречения возложенных на него св. Патриархом Тихоном местоблюстительских полномочий и принял мученическую смерть 10 октября 1937 года.

Стяжавший себе еще до революции заслуженную славу одного из мудрейших и милосерднейших архипастырей Русской Православной Церкви Патриарший Местоблюститель св. митрополит Казанский Ки-

рилл (Смирнов) являлся после кончины св. Патриарха Тихона самым почитаемым и любимым святителем гонимой богоборцами русской православной паствы. Проведя с 1919 года с небольшими перерывам более 15 лет в тюрьмах и ссылках, св. митрополит Кирилл оставался духовным отцом для тысяч священнослужителей и мирян, обращавшихся к нему, несмотря на все многочисленные препятствия, за советами по всем вопросам сложной церковной жизни 1920–1930-х годов. Убежденный в невозможности спасти гонимую Церковь в России дальнейшей политикой компромиссов и воспринимавший Церковь не столько как централизованный административно-канонический институт, сколько как основанный на любви и свободе собор евхаристических общин, объединявшихся вокруг своих правящих епископов, св. митрополит Кирилл выступил как самый глубокий и авторитетный критик политики митрополита Сергия. Подобно св. митрополиту Петру не пойдя в своем длительном заключении ни на какие компромиссы с богоборческим режимом и сохраняя церковное единство безусловным признанием власти правящего местоблюстителя, св. митрополит Кирилл отошел ко Господу 20 ноября 1937 года, будучи расстрелянным в казахстанской ссылке вместе с другим пока еще не канонизованным замечательным церковным иерархом митрополитом Иосифом (Петровых). Не происходя подобно подавляющему большинству церковных иерархов из духовного сословия, св. митрополит Серафим (Чичагов) пришел к пастырскому служению из петербургской аристократической среды, оставив блестящую карьеру гвардейского офицера. Олицетворяя разносторонней одаренностью своей личности и своим подлинно аристократическим внешним обликом величие уничтоженной большевизмом православной империи, св. митрополит Серафим проявил себя как один из наиболее последовательных и авторитетных сторонников политики митрополита

Сергия, направленной на достижение соглашения с большевистским режимом. Сочетавший в своем мировоззрении способность к политическим компромиссам с непоколебимой твердостью в отстаивании чистоты православной веры и церковно-канонического единства св. митрополит Серафим, будучи 82-летним старцем, с достоинством христианского мученика и мужеством русского офицера прошел месячное пыточное следствие и был расстрелян 11 декабря 1937 г.

Выделяющийся в сонме российских новомучеников своей особой приверженностью к древнерусскому благочестию, сын единоверческого священника св. епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) оставался на столь долгом жизненном пути прежде всего молитвенником и аскетом. Всегда стремившийся к отрешенному от мира монастырскому житию, св. епископ Серафим в условиях воздвигнутых на Церковь гонений оказался вынужденным, пребывая в скитаниях, подвергаясь неоднократным арестам и ссылкам со смирением и твердостью, свидетельствовать о своей вере даже гонителям Церкви. Считая губительной для Русской Православной Церкви политику митрополита Сергия, св. епископ Серафим в начале 1928 года вышел за штат и с непреклонностью, унаследованной им от предков его старообрядцев, пронес свою веру в неодолимость церкви в тяжелейших испытаниях пятилетней ссылки, которая предшествовала его мученической кончине 26 августа 1937 года. События Второй мировой войны привели к поразительному возрождению церковной жизни на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками, и способствовали изменению религиозной политики Сталина в 1943 году. Репрессии по отношению к остававшимся на свободе на советской территории немногочисленным священнослужителям были почти полностью прекращены, а по отношению к гораздо более многочисленному духовенству, которое

находилось на прежде оккупированной территории, проводились не очень часто. Подавляющее большинство из почти 9 тысяч храмов, открытых во время оккупации, продолжало оставаться действующими и после восстановления там коммунистического режима, и даже в областях, которые не подвергались немецкой оккупации, было открыто 716 храмов. Некоторые из остававшихся в живых в советских лагерях и ссылках священнослужителей нередко освобождались из заключения иногда даже до истечения срока приговора. Так, например, прошедший пыточное следствие и многолетнее заключение в лагерях и ссылках священноисповедник Лука (Войно-Ясенецкий) в 1943 году был направлен на Тамбовскую кафедру сразу же после освобождения из ссылки, где, оставаясь в положении политического ссыльного, он исполнял обязанности главного хирурга-консультанта красноярских военных госпиталей. Однако даже после 1943 года, когда Сталин перешел к политике преимущественно политического использования недоуничтоженной им Русской Православной церкви, репрессии против духовенства и активных мирян не прекращались полностью, а остававшиеся в заключении священнослужители, особенно отказывавшиеся признать каноническую власть Патриарха Сергия, получали новые сроки заключения, как, например, проводший 33 года в заключении священноисповедник епископ Афанасий (Сахаров), освобожденный лишь в 1955 году. Впрочем, уже с 1948 года, по мере возвращения коммунистического государства к политике полного подавления церковной жизни в стране, репрессии по отношению к духовенству усилились и продолжались весьма активно вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Последующие периоды — как ослабления церковных гонений в 1953–1957 годах, так и их усиления в 1958–1964 годах — представляли собой составную часть продолжавшейся более 70 лет и осуществлявшейся лишь различ-

ными методами политики борьбы богоборческого коммунистического государства с Русской Православной Церковью. И несмотря на то, что в послевоенный период были уничтожены не десятки тысяч, но лишь десятки представителей духовенства, политика явных и тайных гонений на Церковь сделала неизбежными те многочисленные и до сего времени невосполнимые потери, которые понесла церковная жизнь в России в XX веке.

КУЛЬТУРА

ЭЛЕКТРОУГЛИ

Сельская школа

Василий Иванович Безруков

Школа, в которую я пошел учиться в 1944 военном году, находилась рядом с Кудиновским кладбищем.

Одноэтажное светлое деревянное здание (сейчас на этом месте кирпичная Воскресная школа Покровского храма) находилось на небольшой возвышенности, и каждую весну на солнечной стороне ее в первую очередь таял снег. Моя первая учительница Екатерина Григорьевна Никольская была строгой и в тоже время внимательной и доброжелательной. Она видела, что мы все голодали и приходили в школу «кто в чем», но чем она могла нам помочь?

Екатерина Григорьевна жила в этой же школе вместе со своей помощницей Екатериной Ивановной, которая была и сторожем и уборщицей.

Я помню, что в табеле за первый класс у меня были одни пятерки, про остальные три класса начальной школы ничего не могу сказать — не помню, но двоек и троек точно не было.

Недалеко от нашей школы находилась другая тоже деревянная школа, в которой учились два класса. В ней жили и учителя. Сейчас в этом здании живет священник, и находится крестильня.

Учение мне давалось легко, я быстро научился читать и писать. Поскольку детских книг ни у кого дома не было, Екатерина Григорьевна раздавала нам (с возвратом) собранную ею детскую библиотеку. Первую книгу, которую я в жизни прочитал, была «Филиппок» Л.Н. Толстого. Много позже в командировке в Нерехте в книжном магазине я приобрел «Азбуку» 1872 г. и «Новую Азбуку» 1875 г. Л.Н. Толстого, переизданные издательством «Просвящение» в 1978 г.

Я до сих пор иногда открываю эту книгу и поражаюсь таланту Льва Николаевича, который мог так доходчиво донести до сознания школьника написанное им. Все его рассказы, сказки, притчи, загадки, басни интересны и ребенку и взрослому даже сейчас.

В школу из Черепкова мы ходили гурьбой, иногда с приключениями. Как-то раз, когда проходили по мосту через речку, а на ней уже образовался ледок, пройти мимо этого было нельзя. Я спустился к речке и стал ногой откалывать лед от берега, не удержался и по пояс оказался в ледяной воде, что делать? Так и пошел дальше в школу в обледенелом пальтишке. Когда расселись по партам, я поднял руку и попросился домой. «Почему?» — спросила учительница. «Я утопился», — ответил я. «Как же ты утопился, если ты живой?». Посмотрела она на меня всего мокрого и отпустила домой, сохнуть на печку.

Я обычно сидел на первой парте, и как-то однажды в перемену заигрался и забыл сходить в туалет. Как только начался урок, я попросился выйти. Учительница возмутилась — только что была перемена, и не отпустила меня.

Сидя перед ней, я вертелся на своем месте. Учительница не вы-

держала: «Ну, иди же». Я остолбенело смотрел на нее, уже обо всем забыв, куда она меня посылает? А потом вспомнил, что просился в туалет, хоть теперь я уже не хотел, но все-таки побежал.

Однажды Екатерина Григорьевна обратилась к классу с вопросом: «Назовите какой-нибудь предмет». Класс молчал. Потом я поднял руку и сказал: «Корова». (Видимо, вспомнил рассказ бабушки, о том, как с нашего двора в колхоз уводили корову). «Так, еще кто что назовет?». Еще один ученик поднимает руку и повторяет: «Корова». Тут возмущению учительницы не было предела: «А парта, ручка, тетрадь, учебник — это вам что не предметы?».

По окончании четвертого класса Екатерина Григорьевна объявила, что завтра всем классом идем в лес. Посыпались вопросы: «В какой лес? Кудиновский, Вишняковский?». Она ответила для нас непонятно: «В стоящий». Мы, конечно, стали пытаться ее, где же такой лес находится, она ответила: «Завтра увидите», и на следующий день повела нас через Черепково в Вишняковский лес, который в то время был чистый как парк, весь сушняк и разные ветки местные жители вывозили домой на дрова.

В пятый класс мы пошли уже в другую школу, расположенную на шоссе в селе Кудиново, ходить нам стало уже дальше метров на двести.

Школа находилась в двухэтажном кирпичном здании на втором этаже. На первом же находился магазин, и жила техничка с семьей и учительница истории Александра Семеновна Моргина с детьми.

Классов стало больше: пятые, шестые, седьмые; и учиться стало намного интереснее: появились новые учебные предметы и новые знакомые.

Во время перемен школа гудела как улей, по коридору носились сломя голову. Однажды я чуть не сшиб с ног учителя математики Павла

Филипповича Никулина, который шел с кем-то по коридору. Он выставил вперед руку, пытаясь остановить меня, а я решил не останавливаться, он чуть не упал, удержавшись за того, с кем шел. Потом он мне выговаривал: «меня ни разу в жизни еще так не сшибали».

Павел Филиппович пришел в нашу школу, демобилизовавшись из армии, он так и ходил в школу в гимнастерке. Вскоре он женился на женщине из нашей деревни, тоже учительнице, Мурилиной Татьяне Ивановне, у которой уже было две дочери. У них родился сын. После того как в совхозе «50 лет Октября» построили новую школу, нашу школу закрыли, а Павел Филиппович ушел в новую директором. Сейчас супруги уже оба умерли.

Немного о других учителях нашей школы.

Директором школы было Ольга Ивановна Вихляева, внешне очень спокойная уравновешенная женщина, поскольку я не хулиганил, мне пришлось мало с ней сталкиваться. Потом она ушла в школу в Электроуглях. Учителем ботаники и зоологии было Лидия Петровна Пузицкая. Она жила со своей дочерью в доме рядом с сельским клубом недалеко от пруда. Готовиться к урокам, видимо, у нее не было времени, и она порой поступала так — перед тем как объяснять новую тему, она специально кого-то ругала. Делая обиженный вид, брала голову в руки и, сидя за своим столом, читала будущую тему, затем, как ни в чем не бывало, вставала и рассказывала ее нам. Однажды она поставила мне двойку по зоологии за незнание о кровообращении майского жука, с тех пор я с еще большим рвением стал их отлавливать весной.

Физкультуру у нас вела Таисия Николаевна Ратникова. Я случайно узнал, что она из деревни Каменки, где жил друг моего отца дядя Володя. Как то мы с отцом поехали к нему в гости, она шла впереди нас, меня узнала и постоянно оглядывалась, похоже, ее интересовало

с кем идет ее ученик, ведь считалось, что у меня нет отца.

На уроках она требовала от нас полной отдачи. Как-то мы бегали на футбольном поле от ворот до ворот. Поле находилось рядом с кладбищем, сейчас этого поля уже нет, кладбище поглотило его. Поскольку я бегал быстро, то в своем забеге вырвался вперед, оглянулся на отставших и сбавил темп, как оказалось зря, потому что время забега замерялось секундомером, откуда же я знал, и мне было обидно, а попросить провести финальный забег для лучших я не догадался.

Однажды зимой был кросс на лыжах от школы до совхоза и обратно позади Кудинова. Что было надето у меня на голове я не помню, наверно была какая-то шапчонка, на ногах валенки, на теле телогрейка. На полпути туда я почувствовал, что как бы иголкой кольнуло уши, когда прибежал обратно от совхоза к школе, пощупал свои уши, они ничего не чувствовали, были белые и твердые. Я показал лучший результат из класса, но был вынужден вместо уроков (мы учились во вторую смену) накрыться телогрейкой с головой и топать на лыжах домой. Уши у меня раздулись как баранки, но потом постепенно зажили.

Историю нам преподавала Александра Семеновна Моргина. Она доходчиво преподносила нам свой предмет, на ее уроках мы всегда сидели тихо и внимательно слушали.

Однажды, когда я отвечал урок о крестоносных войнах, она спросила меня о влиянии арабской культуры на европейскую, какие слова перешли из арабского языка в наш, и у нас состоялся такой диалог:

Она: «Какие арабские слова появились у нас в быту?»

Я молчу.

Она: «Что под нами?»

Я: «Пол».

Она: «А ниже?»

Я: «Земля».

Она: «А между полом и землей?»

Я: «Магазин».

Она: «Так вот, слово «магазин» пришло к нам из арабского языка».

Квартира Александры Семеновны находилась за стенкой магазина, впоследствии вход в квартиру с улицы заложили кирпичом, а из квартиры сделали склад для магазина.

Географию вела у нас Вера Ивановна Горбачева. Она была замужем за местным жителем Борисом Горбачевым, который занимался выращиванием рассады в колхозной теплице, находящейся на склоне берега речки. Он был специалистом в этой области и потом, когда теплица сгорела и прекратила свое производство, он выращивал рассаду на своем участке и продавал на рынке. У них родились два сына. И когда Вера Ивановна вела урок в классе, окна которого выходили на дорогу, она часто подходила к окну и смотрела за детьми, которые играли на улице рядом с дорогой (оставить детей было не с кем). Дорога была вымощена булыжником, асфальта тогда не было у нас.

Потом, когда я уже закончил институт и работал конструктором, Борис работал слесарем цехе, мы часто с ним общались, как на работе, так и у него на приусадебном участке (на Никольской улице).

Пятый класс я закончил хорошо, несмотря на тяжелые условия: мать с 17 февраля до середины апреля пролежала в больнице, вернулась без руки и без ноги, все это холодное время я прожил один (если не считать козу, которую приходилось кормить и доить), топил русскую печь и ночевал на ней с лампадкой от иконы (электричества еще не было). По окончании пятого класса мне в школе вручили подарок — сборник произведений Аркадия Гайдара (он цел до сих пор), и учительница русского языка и литературы Раиса Яковлевна Трунова сказала:

«Учись, инженером будешь». Пришлось выполнять ее пожелание, после седьмого класса поступать в машиностроительный техникум.

Авторы каталога «История малой родины»: Ольга Парийская, Елена Тюменева и Александр Зимаков

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Издание «Нового православного клуба».

Дизайн: Ольга Семенова.

Мы ищем авторов, соратников, хотели бы услышать ваше мнение об увиденном. Обращайтесь к Михаилу Грозовскому!

эл. почта: mikhail.grozovski@gmail.com

тел. +7-926 011-83-39

Читать газету можно через приложения «ЛитРес», Bookmate, а также в Google Play Книги.